

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Валерий БОЛЬШАКОВ

ОДНОПОЛЧАНЕ

Русские своих не бросают

Военно-историческая фантастика

Валерий Большаков

**Однополчане. Русские
своих не бросают**

«Махров»

2018

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Большаков В. П.

Однополчане. Русские своих не бросают / В. П. Большаков —
«Махров», 2018 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-090610-9

Лето 1942 года. Немцы разбиты в Демянском котле, снята блокада Ленинграда, наступление немцев под Харьковом обернулось не прорывом Вермахта к Волге, а разгромом группы армий «Юг». В бой идут красnozвездные реактивные истребители, зенитные ракеты сбивают «Юнкерсы», управляемые бомбы крушат немецкие бетонные ДОТы. Все это чудо-оружие поступает в Красную Армию из таинственного и секретного Центра, где трудятся «гости из будущего». Казалось бы, союзники должны радоваться победам Советского Союза, ведь они приближают завершение самой кровавой и страшной войны... Но на Западе почему-то начинают нервничать, наблюдая за успехами Красной Армии. Абвер и МИ-6 вступают на тропу тайной войны...

УДК 21.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090610-9

© Большаков В. П., 2018
© Махров, 2018

Содержание

Глава 1. Все для фронта	6
Глава 2. Все для победы	11
Глава 3. «Ватники»	14
Глава 4. Крышка для «котла»	19
Глава 5. «Шепот звезд»	23
Глава 6. Маневренная группа	28
Глава 7. «Полярное сияние»	34
Глава 8. Синявинская операция	38
Глава 9. «Старый моряк»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Валерий Большаков

Однополчане. Русские своих не бросают

© Большаков В. П., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1. Все для фронта

...Вика Тимофеев с утра надел теплые кальсоны «с начесом», штаны из толстого сукна, на ноги намотал байковые портянки, обул разношенные валенки. Свитер нацепил – толстой «бабушкиной» вязки, ватник накинул, ушанку нахлобучил, и все равно мерз.

Виктор уныло шмыгнул красным носом, стянул варежки, поднес озябшие руки ко рту, погрел дыханием. Черт, холодина какая... Правду говорили, что зима в 41-м была на редкость лютой.

Встав со стула, Тимофеев попрыгал, побоксировал с тенью – молодая кровь зажурчала шибче – и обошел всю раскомандировку.

Так называлось это помещение в цеху, больше всего похожее на веранду. Обстановка тут была спартанская: пара столов, стул, несколько скамеек да сейф, сваренный из котельной стали.

Раскомандировка задрожала, затряслась мелко – это вдоль цеха прокатилась кран-балка. Виктор приблизился к окну, подышал на иней, протаивая «дырочку». Потер пальцем и глянул наружу.

Цех терялся в полутьме – запыленные оконца плохо пропускали свет. Вдоль всего корпуса стояли в ряд танки «КВ». Целая колонна выстроилась от ворот до ворот.

Моторные отделения танков казались развороченными – оттуда тянулись какие-то патрубки и провода. «Кишок-то, кишок...»

Всем «Климам» меняли двигатели, ставили дизели помощней – в 850 «лошадей», а самое главное – встраивали новые коробки передач, разработанные инженером Шашмуриным. Вернее, как...

В той реальности, что была Тимофееву памятна, Николай Федорыч взялся за КПП гораздо позже, летом 42-го вроде, но с их приходом, с «попаданчеством» этим, история буксовать начала, на иную колею сбиваться стала. Короче говоря, Исаев живо привлек этого «самородка», поплыл против «естественного течения событий».

Шашмурин чего придумал? Отливать картеры не из дорогого «цветмета», а из чугуна, и детали трансмиссии тоже не из легированных сталей делать, а из обычных, только закаленных токами высокой частоты. Моторесурс мигом вырос, а тяжелый танк уже не ползал по полю, как жук полудохлый, а шустро носился, догоняя «тридцатьчетверки».

Так «КВ-1» превратился в «КВ-1С». Последняя буквочка означала «скоростной». Это, впрочем, не их заслуга, такая модификация действительно появилась в *той* реальности. Они просто поторопили события, подстегнули клячу истории.

Опять разошелся гул – это кран-балка пронесла танковое орудие ЗИС-6. Сто семь миллиметров. Совсем другое дело.

А то – тяжелый танк, а пушка как на «Т-34»! Несерьезно.

Зато теперь будет «КВ-1СМ». «Скоростной модернизированный» то есть. А вот за это уже им, «гостям из будущего», надо спасибо сказать. Совершенно непонятно, почему и отчего, но задуманный танк со 107-мм орудием так и не пошел в серию.

Тимофеев поежился. Ничего удивительного, что такой колотун стоял, – завод не отапливался. Не потому, что директор был жестоким человеком или скупердям. Просто топливо отсутствовало – «Все для фронта, все для победы».

Вот такой приоритет. И завод не пустовал – на смену выходили настоящие деды, которым лет за семьдесят было, и сопляки-подростки. Тетки работали, чьи мужья ушли на фронт, и девушки.

Парни тоже были – молодых, призванных в армию, их направили служить сюда, на оборонный завод. Они жили неподалеку, в общаге, тоже нетопленной.

Полуголодные, уходили рано-рано на завод, возвращались, съедали свой скудный паек и укладывались спать – в тех же ватниках, в которых работали. И как работали!

Выдавали план с перевыполнением на тысячу процентов! Пахали неистово, ожесточенно, так, словно врага били.

Каждое утро по улице, что вела к заводским воротам, разносился частый перестук – это шли новобранцы-работяги. Башмаки им выдали нормальные, кожаные, но почему-то с деревянными подошвами. Так вот и щелкали.

Вика подумал, что именно здесь, на заводе, он окончательно понял здешний народ. Проникся, так сказать.

Этих людей нельзя было победить. Немцы еще тужились под Москвой, сила ломила немалая – вся Европа, считай, билась с Советским Союзом, но русские не сдавались.

Тимофеев задумался. Сколько они уже тут? Да считай, почти что с самого начала Великой Отечественной. С ума сойти...

Марлену было проще, он давно уже отошел от их компании – там, в далеком, почти сновидном ХХI веке. Оторвался, так сказать, от коллектива. И в армии отслужил, и отучился, и даже работу себе завел. Конечно, все у него было малость понарошку, по-детски как-то. «Золотая молодежь», что вы хотите.

Исаев угодил в ВДВ не потому, что рвался «в ряды», а назло отцу, посчитавшему сынка мажором и чмошником. В вузе Марлен так и не доучился, да и работа... Какая, на фиг, работа?

Так, игрался в детективное агентство. И доигрался...

Вика вздохнул.

Когда они искали пропавшего без вести Мишку Краюхина, а нашли межвременной портал, открывавшийся в лето 41-го, для Марлена все стало ясно. Игры кончились.

Исаев ушел на фронт и возвращаться в благополучное и безопасное будущее не собирался. По крайней мере, до Победы.

Уже и поиски Краюхина отошли для него на второй и третий план.

А когда «пропажу» нашли-таки, Марлен с Мишкой сразу спелись – их не «войнушка» увлекла, они просто не могли бросить своих товарищей, своих однополчан. Вернуться в будущее означало для них дезертировать.

Вика криво усмехнулся. А вот он бросил своих...

Позорище... Хотя... Ну, не струсил же! Бежал через передовую, в немецкий тыл! Хватило ж ума...

Та «попытка к бегству» ему здорово мозги прочистила. Стальной щеткой прошлась, до сукровицы ободрала старую кожу, сбросила ее, как шелуху, и вот он, голенький, в крови и слизи, корчится, заходится от крика. Больно ему, видите ли.

– Жизнь дается лишь дважды... – пробормотал Тимофеев. И понурился.

Удивительно, до чего классик марксизма-ленинизма прав был: бытие определяет сознание. Так иногда определит, что глаза на лоб лезут...

Он до сих пор не вполне верит Исаеву. Может, тот просто так сказал, что все в порядке, а на самом деле презирает бывшего «корифана» за трусость и предательство? А если и так?

Разве Марлен не вправе думать о тебе плохо? А, Витек? То-то и оно...

Может, он потому и рвется так в «передовики производства», чтобы вернуть хотя бы долю уважения у Исаева? Может, и так.

Да нет, тут все сложнее. И проще. Вот тебе тест.

Скоро Красная Армия освободит Смоленск, и портал окажется в «зоне доступа». И что? Ты сразу кинешься обратно, к супермаркетам и «ночникам», дорогим машинам и покладистым моделям?

А почему же ты именно на этот завод чаще всего наведываешься? Да не абы когда, а в Ритину смену? А? То-то же.

Рита – студентка, спортсменка, комсомолка и просто красавица. «Снять» такую невозможно в принципе. Ты с ней будешь год встречаться, и дальше поцелуев у вас дело не дойдет.

Но ты-то согласен на подобные отношения, верно? В Рите есть то, что в будущих девицах подрастрчено.

Гордость, стыдливость, отзывчивость, доброта и... какая-то... нежная чистоплотность, что ли. Где ты еще такую найдешь, в каких временах? Ну, разве что в XIX веке. Тургеневская девушка...

Рита работала сварщицей. Упрямо осваивала мужское ремесло. Он и познакомился-то с ней благодаря сварке.

Проходил по цеху, куда затащили пару «КВ» с фронта – без гусениц, со страшными «ямками» в броне – следами попаданий. Слышит – ругается кто-то шепотом, нежным таким шепотом, а фоном – сварка трещит и подсвеченный дым клубами.

Рита была в большой, не по размеру брезентовой робе, совершенно скрывавшей фигуру, но никакая маска не могла спрятать длинную стройную шею. И маленькое ушко, и завиток волос.

У девушки не получалось – электрод «залипал», трансформатор возмущенно гудел, а сварочный огонь тух.

– Давай покажу, – неожиданно для себя сказал Тимофеев.

Рита обернулась к нему, подняла маску...

И Вика влюбился окончательно.

Не подавая виду, он уверенно взял девичью руку, сжимавшую держак, и мягко повел ее, прикрываясь ладонью от лилового «зайчика».

Варить он умел, у него это как-то легко и сразу получилось еще в школе, когда дядька чинил старую-престарую «Волгу» у себя в гараже.

– Вот та-ак... – ворковал он, слушая прерывистый треск разряда. – Не спеши, пусть заплавится как следует...

Обстучав молотком горячий шов, Рита подняла лицо и улыбнулась.

– Спасибо, Виктор Владимирович...

...Тимофеев вздохнул. Вот так вот...

Он даже самому себе не признается, что его тут удерживает, в этом суровом, жестоком, но чистом мире. Нет, не Рита даже.

Девушка – это радость, это томление, надежды на маленькое счастье. В принципе, возможен вариант, когда они с Ритой...

Да, они с Ритой! Берутся за руки и минуют портал. И оказываются в будущем. Девушка, наверное, в ужас придет от грядущих порядков, от тогдашних буржуев и «загнивающего империализма» отечественного разлива. Но вариант-то существует!

Так что не в Рите дело. Дело все в том отношении, которое он чувствует к себе. Его тут уважают, ценят, он здесь по-настоящему нужен. Впервые в жизни к нему обращаются по имени-отчеству!

Нет, конечно, Маргаритка могла бы и понежней отнестись, поласковой. Витенькой, там, назвать. Но это все будет, обязательно. Со временем.

А он никуда не спешит! У него прорва лет впереди.

И он стал лучше понимать того же Марлена, устроившего себе работу. Конечно, детективное агентство – это так, пережиток детства, но хотя бы ясно стало, в чем тут суть.

А вот в этом самом уважении. В признании. В востребованности.

Да он даже ходить по-другому стал – выступает с этакой основательностью, с чувством собственного достоинства...

Кто бы мог подумать, что скучные занятия по экономике и менеджменту пригодятся! Пригодились.

Он даже в азарт вошел. Марлен с Мишкой изобретают, внедряют в производство всякие штучки-дрючки, а он это самое производство как раз и организывает, продвигает, продавливают, пропихивает.

Вон сетевые графики ввел – метод замечательный. И узкие места сразу просматриваются, и заметно, кто отстаёт. А неделю назад летали на Урал, куда перевели выпуск «КВ». Ему такой мандат выдали, что директоров, знакомившихся с бумагами, в пот бросало. А ещё с ним двух энкавэдэшников послали, оба в звании майора, только один спокойный, флегматичный даже, а другой угрюмый, сосредоточенный. Как упрётся своим тяжёлым взглядом, так тебя сразу к ручке потянет – накатать чистосердечное...

НКВД – это сила, тем более что в наркоматах, да и на заводах полно всякой шушеры. Не хотят они крепить обороноспособность Родины, им легче по накатанной дорожке. Наладили выпуск тяжёлых танков? Наладили. Вот и будут их шлепать.

А то, что «КВ» еле таскаются, что у них трансмиссия слаба и летит постоянно, никому и дела нет. Бывало, что новенький «КВ» ещё с завода не вышел, а уже ломается. Марлен рассказывал, что в Курской битве «КВ-1С», то есть шашмуриной переделки, часто горели из-за того лишь, что механики-водители боялись быстро ездить – помнили, как прежние модели «Климов» из строя выходили.

Да и с пушкой этой тоже странностей полно, действительно. Главное, ещё весной 41-го Грабин ставил свою мощную 107-миллиметровку на «КВ», и со Сталиным у него разговор был, и вождь дал «добро», но вот где-то по пути на завод все потерялось, забылось, и продолжили танкостроители клепать старые танки с пушками-«окурками».

Чья вина? А как бы ничья!

Просто «сложилось мнение». Дескать, лучше побольше танков дать фронту, чем всякими там усовершенствованиями заниматься.

Ну правильно, ведь те, кто принимал такое решение, на фронт не отправлялся и в танках не горел. Вспокоились, конечно, после Курской битвы, когда немцы напустили на наши танки «тигров» и «пантер», да и выбили половину советской бронетехники. Быстренько и «тридцатьчетверке» 85-мм орудие вставили, и выпуск могучего «ИС-2» наладили.

А раньше вы где были?

Послышались голоса, под ногами загремел металлический трап, и Тимофеев быстренько вернулся в реал.

В раскомандировку ввалились трое – безликий Савин, директор завода, похожий со своим пенсне на отощавшего Берия, Шашмуриной и Грабин. Шашмуриной смахивал на Павку Корчагина – и обликом, и возрастом, а Грабин в генеральском кителе, видневшемся под тулупом, с аккуратной бородкой и усами, чем-то напоминал белогвардейца.

– Здравствуйте, товарищ Тимофеев! – грянул генерал.

– Здравия желаю, Василий Гаврилович, – улыбнулся Виктор.

Грабин хохотнул и скинул тулуп. Жарко ему, видите ли...

– Приветствую, – сказал Шашмуриной, пожимая руку Тимофееву.

Савин замученно растянул губы, изображая приветливую улыбку.

– Я разговаривал с товарищем Сталиным по телефону, – энергично забасил Василий Гаврилович, продолжая, видимо, прерванный разговор, – и мне тогда прямо сказали: есть мнения, что «КВ» вооружен маломощной 76-мм пушкой, недостаточной для тяжёлого танка. Товарищ Сталин меня прямо спросил: «Вы уверены, что 107-миллиметровую пушку можно поставить в тяжёлый танк?» Да, говорю, уверен! А Иосиф Виссарионович и говорит: «Это очень важно, товарищ Грабин. До тех пор, пока мы не вооружим тяжёлый танк такой пушкой, чувствовать себя спокойно мы не можем». Вот так! Слово в слово! И что? А ничего! Летом выпустили пять орудий, и все на этом!

– Именно их мы и ставим сейчас, – робко вмешался Савин.

– Это просто здорово, – нетерпеливо ответил Грабин, нервно-зябко потирая руки, – но нам нужны сотни орудий! Сотни!

– Танки не готовы...

– Так готовьте!

– Не ссорьтесь, – примирительно сказал Шашмурин. – И не забывайте, что мы не на Кировском. Товарищ Савин не выпускает танки, он их ремонтирует. В нашем распоряжении двадцать с лишним «КВ», которые мы должны... как вы вчера сказали, Виктор Владимирович? От... что?

– Отапгрейдить, – улыбнулся Тимофеев. – Товарищи, у нас задача куда проще, чем у производственников, – заменить орудие, двигатель и КПП на серийных танках. Быстренько их переделать и обкатать, поглядеть, что получилось. А то пойдет новый танк в валовое производство, и начнут вылазить всякие «детские» болячки. Те машины, что стоят в цеху, все равно требуют кап-ремонта, вот и откапиталим их!

– В смысле, от-ап-грейдем, – отдельно произнес Шашмурин и ухмыльнулся. – Горьковский завод № 92 только разворачивает выпуск «ЗИС-6», Василий Гаврилович... Ха! Только! Да это победа, товарищи! Неужели вы не понимаете? Мой «КВ» наконец-то излечится, из инвалида превратится в спортсмена, бегать будет! Стрелять будет! Да так, что немцам жарко станет!

Неожиданно зазвонил телефон. Савин был ближе всего, он снял трубку и сказал:

– Да? Да, это я... Да, да! Конечно!

Осторожно, будто гранату, положив трубку, директор обернулся.

– Поскребышев звонил! – выдохнул он, обращаясь к Виктору. – Вас вызывает товарищ Сталин!

– Блин! – огорчился Тимофеев. – Тут дел столько...

Заметив выражение лиц присутствующих, он улыбнулся.

– Да еду я, еду! Куда я денусь...

Глава 2. Все для победы

Марлен испытывал двойственное ощущение, одновременно радуясь успехам и огорчаясь, пугаясь даже – все шло хорошо, просто замечательно, но лишь в стенах секретной лаборатории Акселя Берга.

А что толку построить зенитную ракету, да пусть даже десяток ракет, когда их тысячи нужны?

Очень здорово, что рядом Вика оказался. Раньше (раньше – это в будущем!) Тимофеев посмеивался только над своим дипломом. Какой, дескать, из меня экономист? Это папаня свои нереализованные амбиции так тешит, чадо свое отучив в МГИМО. Ему не моглоcь, так пусть хоть сын получит вожаденные «корочки».

А здесь, в «ревуших 40-х», тот диплом ой как пригодился!

Вика уже три или четыре заводика обустроил в Подмосковье: оборудование наташил, коллективы собрал, методики свои на живых людях отрабатывает.

Так ведь и этого мало! А что делать? Новые заводы строить? Можно, конечно, поднапрячься и возвести, вот только где обученных спецов брать? Как тут быть? А оборудование?

Советский авиапром, к примеру, способен выпускать десятки четырехмоторных бомбардировщиков. А в Америке такие тысячами строят!

«Ленд-лизом» попользоваться? Так проклятые империалисты не все подряд готовы слать в СССР, даже за золото. Вот и крутись...

Исаев поморщился, чувствуя подступавшее раздражение.

Первые восторги схлынули, а вот задача встала во весь свой титанический рост: как обеспечить подъем оборонки за недели и месяцы, если на это потребны годы и десятилетия?

– Думай, думай, голова... – пробурчал он, повторяя любимую присказку деда.

В принципе, дела идут. Радиофоны плодятся и размножаются, сейчас уже десятки человек на постоянной связи. Тот же Берия, другие наркомы, маршал Жуков.

Ракет выпустили на пару дивизионов, зенитчиков обучили наскоро.

Сейчас середина января, а месяц спустя Красная Армия окружит немцев в районе Демянска. Сто тысяч фрицев попадут в окружение, включая моторизованную дивизию СС «Мертвая голова».

В его реальности толку не было – Демянский котел образовался, а вот уничтожить гитлеровцев не смогли, те запустили «воздушный мост». Люфтваффе постоянно снабжало окруженцев боеприпасами и прочим военным барахлом. По сто – сто пятьдесят транспортных самолетов в день отправляли немцы до своих!

Вывод сам собою напрашивался: скрытно вывести на позиции ЗРК и сбивать «Юнкерсы» к такой-то матери. Без авиасообщения с тылом немцы долго не продержатся в окружении, а если туда подтянуть гаубицы с «катюшами» да перелопатить весь тот «котел»...

Здорово получится. И какой офигительный – повод всему миру показать: «Вы видали, как мы дали?!»

– Марлен! – разнесся голос по гулкому коридору. – Ты где?

– Здесь я! – отозвался Исаев.

В лабораторию заглянул Краюхин.

– Привет!

– Привет...

– Все мировые проблемы решаешь? – бодро сказал Михаил.

– Ну, надо ж кому-то ими заниматься. Ты Витку встречал?

– Не-а. Он опять на свой танкоремонтный упылил. Знаешь, а он молодец, толково все организовал. Половина наркоматов теперь, после его визитов, подсела на валидол и валерьянку!

– Ничего, им полезно...

– О чем задумался?

Марлен скривился и шибко почесал голову.

– Да я тут, понимаешь, к умному выводу пришел...

– К умному?

– Разговорчики в строю! К умному. Понимаешь, если мы тупо будем строить заводы, то количественно обгоним Германию или ту же Англию через десятилетия. А нам нужно сейчас, сию минуту! Ну вот Витка занялся «КВ». Отлично. Но ведь раньше лета танки в серию не пойдут, и только осенью их число дорастет до более-менее внушительных цифр. Верно?

– Специфика, – пожал плечами Краюхин. – Заводы быстро не разгонишь. А насчет серии... В принципе, уже весной появятся первые «КВ» с новым оружием. Единиц эдак сорок-пятьдесят. Потом, когда производство раскрутится... Нет, все равно, раньше осени общее число не впечатлит.

– Так и я о том же. И понял я истину: количеством брать нужно и в серию запускать танки с самолетами необходимо. Но! Пока не добьемся нового качества, мы будем биться с немцами примерно на равных. Вот только потери будем нести по-прежнему большие и неоправданные. Немец вышколен, и все офицеры вермахта обучены, а у нас даже маршалы, считай, бывшие прапорщики или унтера. Вон где-то в 20-х красноармейцам преподавал полковник Белой армии Слащёв. В Гражданскую он побеждал «красных», даже если те имели двадцатикратный перевес! За ним была военная школа, преимущество и прочие важные штуки. А-а! – поморщился Исаев. – Нельзя было Красную Армию на пустом месте создавать! Немцы вон тоже революцию устроили, но генералов своих к стенке не ставили. И где они сейчас, те генералы? А рулят вермахтом!

– Ой, да согласен я! Только что об этом говорить? Предложения есть?

– Так я ж и говорю: качество нужно! Новое! У немцев вон автоматы только у офицеров и, кажется, у фельдфебелей еще. А мы каждому солдату – автомат в руки! Будет перевес?

– Одними автоматами...

– Да не одними! Тягаться с Люфтваффе сложно, мы еще года два обречены бодаться с «Мессершмиттами» да «Юнкерсами», пока не завоюем господство в воздухе. А ты в курсе, что немцы в 44-м наладили серийный выпуск реактивных «мессеров»? «Мессершмитт-262» – с двумя турбореактивными двигателями, со стреловидными крыльями, обтекаемый и, кстати, вооруженный двумя дюжинами ракет «воздух – воздух». Правда, переломить ход войны они уже не могли – поздно было. А ты представляешь, что будет, если мы сейчас, в 42-м, выпустим хотя бы одну эскадрилью наших реактивных «птичек»? На «мессере» двадцать четыре ракеты висело? И мы столько же навесим, только управляемых, с инфракрасным наведением! На «мессере» стояло четыре пушки в носу, чтоб кучно били. И мы столько же поставим! Только сделаем все лучше. Ты только представь: летят наши птенчики, выдают тыщу кэмэ в час, и никто за ними не угонится, и никто от них не уйдет!

– Остапа понесло... – хихикнул Михаил и тут же принял серьезный вид. – Да нет, я согласен с тобой, но ты же видишь, что делается. Мы и Люльку зазвали, и Климова, выдали им инфу по ТРД, они там все кудахчут от восторга, а когда получится что-то вроде «МиГ-15», никто сказать не может. Вот ты сбегал в XXI век и обратно, притащил буки, то, се... Но в Интернете нет всей технической документации по тому же «МиГ-15». Понимаешь? Подсказок у нас – вагон и маленькая тележка, но заводу нужны чертежи, и прочая, и прочая, и прочая. Кипы документов! Расчеты всякие... А что мы смыслим в аэродинамике?

– Да понятно...

– Понятно ему! – хмыкнул Краюхин. – Эх ты, философ... «Новое качество»! А мы чем занимаемся, по-твоему? Вот как раз этим самым новым качеством! Рации на транзисторах, ракеты с электронной начинкой – это уже есть, проверено, работает.

– Да согласен я... – вздохнул Марлен. – Просто мочи нет терпеть этих фрицев! А как подумаешь, сколько еще наших сгинет, пока мы на рейхстаге распишемся...

– Та же фигня... – вздохнул Михаил.

Зазвонил радиотелефон. Краюхин подхватил аппарат с полки и ответил:

– Аллю?

Послышался негромкий голос Поскребышева:

– Товарищ Сталин ждет вас на «ближней даче». Вас и товарища Исаева. Машина за вами послана.

Глава 3. «Ватники»

Марлен первым покинул тесноватый «Опель-Кадет» и уверенно зашагал между сосен по расчищенной от снега дорожке.

На «ближней даче» он бывал не однажды, его разок даже на «дальнюю» приглашали, как раз на новый 1942 год. Буквально на третий день после разминирования – было решено взорвать резиденцию Сталина в Семеновском, если фрицы нагрянут. Но немцы не дошли, и «дальняя дача» уцелела.

– Интересно, зачем нас вызвали? – проявил нетерпение Краюхин.

– Узнаем во благовремени...

Крепко пожав руку незаменимому Власику, Исаев прошел в гулкий холл, с мороза попадая в теплынь. Хорошо!

– Товарищ Сталин ждет вас в столовой.

Кивнув – мол, принял к сведению, – Марлен быстро разделся, пригладил волосы перед зеркалом и направился к столовой.

Столовая занимала обширное помещение. Огромный стол, кожаные диваны, рояль хорошо сочетались, создавая образ гостиной в богатом доме, чей хозяин был больше склонен к аскезе, чем к роскоши.

Иосиф Виссарионович не спеша прохаживался вдоль стола, сложив руки за спиной.

Марлен остановился. Вот ведь...

Полгода он в этом мире, в этом времени. Всякого навидался, но по-прежнему учащается пульс, едва он перешагивает порог сталинской столовой или кабинета. Встреча с вождем всякий раз отдает невероятно, запредельной мистикой.

– Здравствуйте, товарищ Сталин.

– Здравствуйте, товарищи.

Сталин неторопливо развернулся и указал рукой на стол.

Марлен присел на стул. Мишка устроился рядом.

Иосиф Виссарионович обошел стол и занял место напротив. Тут же стал ломать папиросы «Герцеговина-Флор» и набивать табаком трубку. Делал он это неторопливо, словно оттягивая разговор, собираясь с мыслями.

– После того как вы появились, товарищ Исаев, и вы, товарищ Краюхин, мне стало гораздо спокойнее, – медленно проговорил вождь. – Вы убедили меня в правоте нашего общего дела, в нашей окончательной победе. Знаю, что впереди долгая и сложная борьба, но больше нет растерянности, нет уныния и упадка сил. Я и спать стал хорошо!

Поглядев на двери, Сталин усмехнулся:

– Даже ваш друг Тимофеев помог мне упрочить веру. Как мне докладывали, он школит всех наших производственников, начиная с наркомов и кончая вахтерами.

– Лишь бы толк был, – вставил Михаил.

Вождь кивнул.

– Толк есть.

Тут двери приоткрылись, и в столовую заглянул малость вострепанный Виктор.

– Входите, товарищ Тимофеев.

Вика смутился.

– Извините, товарищ Сталин, не переоделся, явился в ватнике... Впрочем, все мы немножко «ватники»!

Иосиф Виссарионович поглядел на него непонимающе, и Марлен сказал:

– Это бандеровцы в нашем времени так называют русских, которые против фашистов. «Ватниками», или просто «ватой», а еще «колорадами» – за то, что мы в День Победы носим на груди бантики из гвардейской ленточки.

– Ах вот оно что... – протянул Сталин. – Понятно... Я уже просматривал исторические очерки по этому вашему... «буку», но многие детали ускользают.

– Повылазили эти фашисты недобитые, – пробурчал Тимофеев. – Не, раньше-то я не обращал на бандерлогов особого внимания, но побывать в тылу у немцев было полезно.

Марлен покачал головой.

– Все гораздо хуже, Вика. Понимаешь, бандеровцы никогда не исчезали, никто не истреблял их как клопов. После войны оуновцев переловили и согнали в лагеря, но в 55-м Хрущев выпустил их и даже выплатил компенсации за отобранное добро. Более того, позволил вернуться из-за границы тому отребью, что успело бежать в Германию или в Канаду. И вся эта сволочь полезла в райкомы да исполкомы УССР, началась ползущая украинизация, а потом, в 90-х, они пришли к власти. Вот и все.

– Что-то я слишком часто слышу фамилию Хрущев! – раздраженно сказал Сталин. – Всего одного дурака хватило, чтобы испортить жизнь миллионам людей!

Марлен сразу же вспомнил Ельцина и его вдову, наивно полагавшую 90-е годы «святыми». Конечно! Ее же не выгоняли с завода, чтобы развалить его, вырезать металл и продать по дешевке. Ей же не приходилось мотаться «челноком» в Турцию и торговать трусами в переходе, имея степень кандидата технаук. Да ну ее...

Раскурив трубку, вождь выпустил клуб ароматного дыма и сощурил свои тигриные глаза. Поглядев в сторону дверей, он кивнул невидимому для Исаева офицеру, и в столовую тотчас же внесли несколько подносов: чай, печенье, сахар, варенье, лимон.

– Угощайтесь.

Сталин подвинул к себе стакан чаю в подстаканнике, но пить не стал, продолжая смаковать сизый дым. Говорят, знакомство с файлами из ноутбука о вреде никотина побудило вождю резко умерить пристрастие к табаку, и теперь он наслаждался куревом в те редкие минутки, когда позволял себе бесполезную привычку.

– Я пригласил вас сюда не только за тем, чтобы угостить чаем, – проговорил Иосиф Виссарионович. – Произошло кое-что очень интересное, и мне потребовалась ваша помощь, как... хм... Ну, скажем, как свидетелей. Мы задержали троих человек, которые... Впрочем, не нужно объяснений. Чем рассказывать, лучше показать. Товарищ Власик!

Сталин позвал негромко, не повышая голоса, но начальник охраны тут же нарисовался на пороге.

– Введите задержанных.

– Да, товарищ Сталин!

Порог столовой переступил взволнованный сержант НКВД и отшагнул, пропуская троих мужчин. Они были похожи манерой поведения – согбенные, руки за спину, глаза в пол.

Марлен начал медленно вставать и даже не обратил внимания на упавший стул.

– Батя?.. Ты?!

Илья Марленович поднял голову, заулыбался, узнавая сына, и выразительно пожал плечами – видимо, Исаев-старший не уверен был, что можно развести руками.

Миха Краюхин оказался самым непосредственным – бросился к своему родителю и крепко облапил его. Бедный сержант аж вспотел, не зная, на что решиться.

Тимофеев-младший смутился, встретив взгляд Тимофеева-старшего, но тот подмигнул ему. А затем вытянулся во фрунт и отчеканил:

– Здравия желаю, товарищ Верховный Главнокомандующий!

– Вольно, – усмехнулся Сталин, и подал знак угасшей трубкой охране. Та исчезла. – Представьте, товарищи.

– Илья Исаев.

– Владимир Тимофеев.

– Алексей Краюхин.

Илья Марленович поднял руку.

– Разрешите, товарищ Сталин?

– Говорите.

– Мы сюда не от избытка отеческой любви явились, не за детками малыми приглядывать.

Просто... Нет, вы не подумайте чего – Марлен мне ничего не рассказал, мы сами проследили за ними. Тревожились, понимаете? А когда поняли... В общем, так. Я за себя скажу. У меня на глазах развалили СССР, могучую сверхдержаву. А теперь появился шанс не допустить этого... этой... Да как угодно скажи, все равно лишь матом выразишь! Вы не думайте плохо о нас, обо всех, кто остался там, в будущем. Вон, недавно опрос провели, спрашивали население, кого оно считает величайшим человеком. И большинство ответило: Иосифа Виссарионовича Сталина! Конечно, либералам у власти такой ответ как ножом по стеклу, а мне приятно – не продались, значит, мы за капиталистическое барахло, остались как есть! Чем я могу помочь? Мы с Вовкой после дембеля и до самой «перестройки» припахивали в секретном «ящике», полузаводе-полуинституте. Испытывали турбореактивные двигатели и боевые «МиГи». Потом пришлось уйти, переквалифицироваться в буржуи. Жить-то надо. Но знакомых осталось много. Короче, мы притащили сюда буки с секретной документацией по «МиГ-15» (Марлен ухмыльнулся). Конечно, мы с Вованом не конструкторы, но кое-что понимаем. У меня кандидатская степень, а Вовка не успел диссертацию защитить.

– Некогда было, – сморщился Тимофеев. – Как говорится, хочешь жить, умей вертеться. Вот мы и крутились. И не слушайте вы Илюху, а то больно скромный. Он иногда такие советы подавал самому генеральному конструктору, что только держись! А «МиГ-15» мы не зря выбрали – он самый простой из настоящих, таких, реактивных истребителей. Американцы их боялись. Да там у нас не только «мигарь», мы поскидывали в бук кучу всяких ноу-хау. Технологию кирзы, например, чтобы сапоги шить дешевые, или... Да там много чего!

Сталин кивнул и повернул голову к Алексею Петровичу.

– А вы, товарищ?

Тот отчетливо щелкнул каблуками.

– Гвардии капитан Краюхин, – отрекомендовался он. – Служил в танковых войсках, с техникой на «ты». Последние десять лет работал программистом. Это...

Иосиф Виссарионович улыбнулся:

– Я уже ознакомился с некоторыми профессиями будущего. Ну, что ж... Лаврентий Павлович сразу поставил меня в известность о вашем задержании. Ваши... э-э... буки не пострадали?

– Нет, товарищ Сталин.

– Очень хорошо. Ну, что же, товарищ Исаев... Нет, вы, Марлен Ильич. Принимайте новых сотрудников. Посмотрим, какую пользу они смогут принести нашей общей родине!

* * *

...Был поздний вечер, когда отцы и дети наговорились и наслушались. Усталые, но довольные, все шестеро засели в полутемной лаборатории, где гудел огонь в голландской печи, а за окнами синели сумерки.

Марлен ощущал в это время спокойную удовлетворенность. Понимал же, не маленький, что родители переживать будут, выдумывать всякие ужасы... Да и почему выдумывать?

Он что, бессмертный? Его убить не могли? Могли, да еще как!

Уберегся, и слава богу.

А теперь все как-то улеглось в душе, унялось, осела муть. Хотя мамулька все еще там и теперь, наверное, уже за обоих беспокоится.

«Ничего, – вздохнул Исаев-младший, – и эту задачку мы решим».

Отец привстал и подкинул в печку пару поленьев.

– Не закрывай, Илья, – сказал Владимир Тимофеев.

Марленович послушался, и по темной комнате разбежались оранжевые отсветы пляшущего огня.

– Типа, камин, – сказал Вика.

– Типа, – кивнул его отец.

Рука Тимофеева-старшего лежала на сыновнем плече, и крепкие пальцы сжались, словно передавая невысказанное.

– Марлен, – проговорил Илья, – а ты долго привыкал к этому времени? Ну-у... ты понял, да? Тут же все другое – еда, разговоры... Да все!

Марлен покачал головой.

– Это только так кажется, батя. На самом-то деле тут люди немного иные, да и то... Честно говоря, первые месяцы было не до привычек. Сначала отступали, потом наступали, а мы еще в разведроту служили... Совершенно не находилось времени для рефлексий, даже поговорить по-человечески некогда было. Хотя, знаешь... Спасибо фронту, у меня всю интеллигентщину выбило на передовой. Я ведь раньше как думал? Нельзя ничего менять, а то вдруг будущее изменится! Помнишь, Вика?

– Было дело.

– А тут... Понимаешь, батя, в будущем никому ничего не объяснишь, слова бесполезны. Смотрит молодняк на стариков с орденами, что звякают на кургузых пиджачках, и шуточки отпускает. А ведь эти смешные, больные, дряхлые, порою дементные деды – молодые парни сейчас. И сколько их выживет к 45-му хотя бы? А от скольких только фотокарточки останутся? Помнишь, как ходил в «Бессмертном полку»? И вот когда я тут видел таких – веселых, чубатых, зубастых, – и как их наскоро хоронили в братской могиле... Да какой могиле... Красноармейцы из похоронной команды хватили убитых за руки, за ноги и сбрасывали в воронку от бомбы! Засыпали по-быстрому, и все. Такой вот обряд. И мне уже как-то не думалось о будущем, больше настоящее интересовало. Вот и затеяли мы эту... шефскую помощь. Хотели сначала отделаться писульками, только нас быстро припахали... Вот, трудимся. А насчет будущего я уже не волнуюсь – ничего с ним не станется. Понятия не имею, как устроено время, но я точно знаю, что перемены, произошедшие здесь, никак не отражаются на наших современниках. Пример? Мы служили в дивизии Панфилова, того самого, но его не убило в декабре, генерал жив-здоров. Панфиловцы били немцев под Вязьмой, так что не случилось там котла, не окружали наших. Понимаешь? А когда я в XXI побывал, смотрю в Интернете – там все по-прежнему, как было. Видишь, что получается? Тут перемены, а никакого «эха» до будущего не докатывается, время и там, и здесь течет одинаково. Тот самый год, из которого мы все пришли, станет другим через семьдесят с лишним лет, однако люди, там живущие сейчас, наши соседи, ближние и дальние, будут к тому сроку жить в 2087-м.

– Тут свое время, – кивнул Алексей, – там – свое.

– Да нет, время-то едино для всех, просто «вчера» и «завтра» никогда не пересекаются. Мы едем в разных поездах, прибываем на те же станции, только будущее впереди, а прошлое – позади.

– Все равно непонятно, – покачал головой Владимир. – Ведь чем дальше, тем больше изменений. Верно? Допустим, построим мы Братскую ГЭС на десять лет раньше...

– И что? – фыркнул Илья. – Думаешь, в будущем сразу две плотины вылезут? Построим ГЭС тут, тут она и останется – для настоящего, а не для будущего!

– Но тогда получается, что не только времена разные, но и пространства! Миры разные! Или... как сказать? Реальности? Если в одной реальности Сталинград с Ленинградом, а в другой – Волгоград с Петербургом, то они никак не могут существовать в одном и том же пространстве!

– Ну, значит, они разные, – пожал плечами Исаев-старший. – Хотя... Да что мы знаем о времени?

– Я знаю, – сонно пробормотал Марлен, – что уже поздно. А нам рано вставать.

– И точно, припозднились мы!

– Как старший по званию... – ухмыльнулся Алексей Петрович. – Отбой!

Глава 4. Крышка для «котла»

Для работы над «МиГ-15» выбрали заброшенные цеха, когда-то выстроенные фабрикантом Гужоном. Основной корпус был достаточно обширен, да и ворота можно было сделать пошире, чтобы выкатывать собранный истребитель, благо тот не отличался большими размерами.

Илья Марленович, «крестный отец» реактивного самолета, планировал сначала отработать технологии, собрать парочку «мигарей», а уже потом разворачивать производство на авиазаводе № 1 имени Сталина. К тому времени – к лету – можно будет и группу летчиков обучить. А пока...

А пока в нетопленых цехах грохотали молотки, гремели листы дефицитного дюралю. Модельщики уже заканчивали деревянный макет «МиГ-15».

Исаев-старший, в ватнике и ушанке, в галифе, заправленных в валенки, больше всего походил на сантехника, обнаглевшего до того, что начал что-то вещать целой группе конструкторов в пальто и барашковых шапках.

– ...Фюзеляж цельнометаллический, – вещал «сантехник», – круглого сечения. Воздухозаборник в носу с двух сторон обхватывает кабину и выходит к двигателю. Крыло стреловидное, с четырьмя аэродинамическими гребнями – они предотвращают перетекание воздуха вдоль плоскости. Шасси трехколесное с носовой стойкой. Выпуск и уборка шасси, а также двух тормозных щитков в хвостовой части производятся с помощью гидросистемы. Управление самолетом тоже на гидроусилителях. Двигатель один – с центробежным компрессором. Сейчас он проходит испытания, думаем довести тягу до двух тысяч трехсот килограмм...

– И вы хотите сказать, что этот самолет сможет обогнать «Мессершмитты»? – спросил конструктор с обрюзгшим лицом.

– Легко! Скорость нашей «птички» составит тысячу тридцать – тысячу сорок километров в час. Только вот задачи у самолета не игра в догонялки с самолетами противника, а их уничтожение.

Марлен усмехнулся: батя ото всех отгавкается.

Тут за стеной поднялся вой, перешедший в рев: на стенде запустили турбореактивный двигун.

Поразительно: минул какой-то месяц, а батяня развернулся вовсю. И людей подтянул, и оборудование выбил, станки какие-то по линии ленд-лиза получил. Такое впечатление порой создается, что «мигарь» вот-вот полетит. И полетит!

– Марлен!

– Здесь я!

Запыхавшийся Мишка вынырнул из-за штабелей огромных дощатых ящиков.

– Привет! Я с Витькиным батьком побалакал насчет управляемых ракет. На Западе тоже над этим думают. В общем, про инфракрасную головку самонаведения надо забыть – такие штуки смогут наводиться только с задней полусферы на сопло реактивного двигателя, а у немцев они пока не водятся.

– А на поршневые моторы никак?

– Никак! Очень слабое тепловое излучение.

– Понятно... Ты там что-то про Запад толковал...

– А, ну да! В общем, картина такая. Через три-четыре года и в Германии, и в Англии, и в Америке должны будут появиться первые ракеты «воздух – воздух». Управляемые, я имею в виду. У немцев – «Руршталь», весом шестьдесят кило, но управляться будет по проводам, да и дальность всего три с лишним километра. У англичан – «Артемис»...

– Ты, главное, про управление.

– У «Артемиc» наведение автоматическое, полуактивное радиолокационное. Истребитель подсвечивает цель радиолокатором, и ракета наводится. Там на ракете такой спойлер специальный стоит – когда на детектор попадает сигнал от самолета противника, спойлер сразу выдвигается, направляя ракету на цель. Американская «Тиамат» наводится... будет наводиться по лучу радара. Она тяжелее «Руршталь» раз в пять, зато и дальность – пятнадцать км. И еще одна штатовская ракета – «Горгона». Здоровая, но бесполезная – ею хотели управлять с помощью радиокоманд, наблюдая за полетом через видеокамеру на самой ракете. Провал полный – ни черта не разобрать в тутошние камеры.

– Короче, будем клепать свою, с наведением по лучу локатора с самолета. Или с подсветкой радиолучом.

– Так вы ж уже сварганили с Королевым эту самую... с наводкой!

– А толку? Велика больно – семь метров в длину, весит тонну. Куда такую? Ею только «Б-52» сбивать, цель достойная, так ведь не построили пока ни одного «Стратофортресса», рано еще. Да и какая там наводка? С земли! А нам-то нужно, чтобы с борта самолета. Значит, автопилот ракете подай, а самолету-ракетоносцу только РЛС – четыре штуки.

– Многовато что-то...

– А ты посчитай. РЛС обнаружения воздушных целей – раз. РЛС опознавания – два. РЛС автоматического сопровождения цели и наведения ракет – три.

– Ну! Три. А четвертая зачем?

– Так получается – после старта ракета «проседает» метров на сто, и надо ее ввести в луч. Вот для этого и четвертая РЛС. А у нас даже радиоприцела нету! Наши из НИИ-20 только начинают кумекать над бортовым радаром «Гнейс-2», и ставить его будут не на истребители, а на двухмоторную «пешку» – вес большой, полтонны. Штука хорошая и все такое, но мне надо полегче и получше. И побыстрее! Уже к этому лету.

– Размечтался... – хмыкнул Краюхин.

– Мечты, мечты, где ваша сладость? – уныло продекламировал Марлен. – Мечты ушли, осталась гадость.

– А мы не слишком спешим? Нет, я понимаю, реактивные истребители – это вещь, но те же управляемые ракеты только к середине 50-х появятся... появились, я имею в виду. В нашей реальности.

– Миха, знаешь, когда начали работать над управляемыми ракетами? В 20-х! Сам же говорил – через три-четыре года нужно ждать. И если наши «мигари» к тому времени окажутся без ракет, союзнички мигом миллионы потратят, чтобы вооружиться и валить наши «птички». Нет, ты не думай, что я совсем уже из реала выпал. Знаешь, что такое инфа из будущего? Это не деньги даже, а время. Мы годы сэкономим!

– Верно – и лишим опыта наших конструкторов.

– Фигня! Ничего из того, что используется в нашем времени, мы здесь не клепаем, да и не сможем при всем желании. Все наши разработки остаются на уровне 50-х годов, мы выигрываем десять-пятнадцать лет максимум. Просто торим дорожку нашим яйцеголовым, чтобы они не заходили в тупики, не теряли зря то самое время. Нароботают они опыт, не волнуйся, просто начнут с уровня повыше, чем в прошлой жизни, так сказать. Ладно, сделаем, куда мы денемся...

Марлен покинул цех и выбрался во двор, где сгрудилось целое автостадо, состоявшее в основном из «эмок», с редкими вкраплениями «ЗИСов».

Исаеву достался «ГАЗ-61» – по сути, полноприводная «эмка» с мощным движком. Их начали выпускать всего четыре месяца тому назад как командирскую машину, и вот на перегоне из Горького одна из них серьезно вляпалась в столб.

Это «ломье» и выпросил Марлен. Мишкин отец здорово помог с ремонтом, да и Вика, как оказалось, кое-что смыслил в автосервисе, даже сварщиком поработал.

В общем, с Нового года Исаев обзавелся «колесами».

Заботливо прогрев мотор, Марлен выехал с одного режимного объекта и направился к другому, к знакомым лабораториям ИРЭ.

Институт радиоэлектроники разросся, его здания занимали уже целый квартал, хотя названию отвечал лишь один дом, а в остальных занимались темами, лежавшими несколько в стороне от диодов и транзисторов.

Полдома выделили Королеву и прочим ракетчикам, а в двухэтажном особняке напротив Владимир Тимофеев колдовал над акустическими торпедами и планирующими бомбами. В подвале особняка порой глухо звучали выстрелы – там доводился до ума пистолет-пулемет Судаева, ППС-42.

Если бы Абвер или Интеллидженс сервис узнали, что делается за глухими заборами ИРЭ, в Берлине и Лондоне случилась бы массовая истерика...

Марлен прошагал во владения Королева. Самого Сергея Павловича не было видно, но голос доносился – ругался конструктор, опять смежники сплюховали.

Отперев дверь, на которой висела картонка с надписью химическим карандашом «УРВВ»¹, Исаев сразу подошел к стенду, где вытягивалась ракета «воздух – воздух». Гладкая, с растопыренными стабилизаторами, УРВВ походила на чучело худой акулки.

Потому и называли «Катраном».

К сожалению, и мозгов у ракеты нашлось бы не больше, чем у чучела. По сути, «Катран» был не-управляемым ракетным снарядом – НУРСом, чуть более продвинутым, чем те, которыми заряжают «катюши».

Ничего, до лета время еще есть, склепают они и бортовую РЛС, и сносный радиоприцел. Куда денутся...

Осторожно взяв в руки увесистую ракету, Марлен покачал ее. Все равно, вещь! Таких немцы не делают. Эксклюзив.

«Катранами» вооружат штурмовики «Ил-2». Двум эскадрильям «горбатых» уже провели «апдейт» – вырезали за кабиной пилота местечко под пулемет и приделали «насест» для борт-стрелка. Пусть хоть такая, доморощенная, защита будет!

И подвеску поменяли – теперь под крыльями у каждого «Ила» будет по восемь «Катранов». Истребителям столько не поднять, но по четыре-шесть ракет подвесить можно. Хоть что-то...

Исаев вздохнул – близились бои под Демянском. И на этот раз немцы, угодившие в котел, должны были в нем свариться!

* * *

Сталин жаждал перейти в контрнаступление, его в этом поддерживал Шапошников, хотя резервы были практически исчерпаны. «Гости из будущего» убедили вождя не спешить, сосредоточившись на активной стратегической обороне – пусть войска измотают и обескровят врага к лету, накопят силы.

Но одно исключение все же было, и касалось оно Демянского выступа, куда сами же себя загнали девяносто пять тысяч гитлеровцев – 2-й корпус 16-й армии Вермахта.

Группу армий «Север» к тому времени раздергали и общипали, оставив всего две армии, 16-ю и 18-ю, лишённые танков.

Командующий ГА Вильгельм фон Лееб убеждал Гитлера отвести 2-й корпус, но тот упрямился, и фон Лееб подал в отставку.

¹ Управляемая ракета «воздух – воздух».

Демянская наступательная операция РККА была разработана еще в декабре. 11-я армия в составе пяти стрелковых дивизий, десяти лыжных и трех танковых батальонов должна была выйти во фланг и тыл группы армий «Север» – ударить на Старую Руссу и совместно с лево-фланговыми войсками Волховского фронта разгромить новгородскую группировку противника, то есть 16-ю немецкую армию.

3-й и 4-й ударным армиям Северо-Западного фронта следовало нанести удар из района Осташкова, осуществляя глубокий прорыв в стыке групп армий «Север» и «Центр», а 34-й армии ставилась задача сковать силы врага «посередке», в Демянском выступе, и замкнуть кольцо окружения.

«Попаданцам» было несложно отговорить Сталина от столь большого размаха, тот и сам убедился в неподготовленности войск, вычитав, что наступление 11-й армии на Старую Руссу захлебнулось в первый же день.

Было решено сосредоточиться на главном – завершить первое за всю войну окружение немецких войск, их демянской группировки.

Поэтому в помощь 3-й, 4-й и 34-й армиям была переброшена 1-я ударная армия, и к 8 февраля кольцо окружения было замкнуто.

Но окружить еще не значит уничтожить.

Командовавший окруженцами генерал граф Брокдорф-Алефельдт грамотно организовал оборону, полагаясь на гренадеров дивизии СС «Мертвая голова». Эсэсовцы держались стойко, несмотря на пайки, урезанные наполовину, и лютые морозы.

Ставка фюрера развернула бурную деятельность по спасению окруженных, организовав «воздушный мост».

Демянской группировке требовалось не менее трехсот тонн грузов в сутки. Чтобы их перевезти, нужно было задействовать пятьсот самолетов типа «Юнкерс-52», немцами прозванных «Тетушкой Ю».

Транспортников не хватало, и «тетушек» перегоняли отовсюду – из Германии, со Средиземного моря. Гитлер даже свой четырехмоторный «Кондор» передал, чтобы не посрамить вермахт и не допустить разгрома под Демянском.

Для «торжественной встречи» в районе Демянского выступа была сосредоточена 6-я воздушная армия генерала Кондратюка, в состав которой входили шесть истребительных полков.

Почему в «прошлой реальности» ударные армии не смогли уничтожить окруженных немцев? Да потому что советское командование не предпринимало надлежащих усилий для уничтожения «воздушного моста»!

Что проку атаковать окруженных немцев, если тем по воздуху перебросили пятнадцать тысяч тонн грузов? Если раненых вывозили, а подкрепления – двадцать две тысячи солдат и офицеров! – доставляли?

В марте все закончилось деблокированием котла. На этот раз операция должна была пройти по иному сценарию.

Глава 5. «Шепот звезд»

До линии фронта добирались на поезде, там вся техника сгружалась и следовала колоннами по заметенным снегом дорогам. От озера Селигер до Ловати проследовали довольно быстро – пара танков с отвалами впереди расчищали путь, и по следам гусениц уверенно катились грузовики с кунгами и ракетными установками, запеленутыми в плотный брезент.

Марлен улыбнулся, вспомнив, как отец уговаривал его не ехать самому. Опасно-де.

«А кому? – спросил Исаев-младший. – Думаешь, у нас тут полно ракетчиков? Как ни крути, а мы с Мишкой самые главные спецы по этому делу!»

«Вот именно поэтому и сидели бы в тылу! – горячился Илья Марленович. – Берегли бы свои головы, они еще очень даже пригодятся советской Родине... если останутся целыми!»

«Бать, помереть не сложно. Можно и в самом глубоком тылу с кровати упасть и шею сломать. Ты пойми, я же не в тыл врага собрался, да еще в одиночку. Нас две колонны пойдут, с танками, с «зэсэушками», с бронеавтомобилями. И с воздуха нас прикроют. Отстреляемся и вернемся!»

Признаваться в истинных своих побуждениях Марлен постеснялся. Он не за подвигами собрался на Ловать.

Просто неумоготу было отсиживаться в тылу, греться у печки, спать на чистых простынях, когда на том же Калининском фронте житуха была совсем иной – там война шла, и всякого могла гибель достать.

В общем, когда он следовал со всеми в колонне на бой, ему было комфортно и совесть помалкивала. А батя выехал следом, вместе с локаторщиками...

Приближался День Красной Армии, 23 февраля, и «Юнкеры» так и сновали в небесах, туда и обратно. Два последних дня даже советские истребители не показывались, приучая немцев к безнаказанности.

– Первая колонна занимает позиции дальше к западу, зенитно-ракетные комплексы располагать с юга на север!

Машины рычали и подвывали, расшвыривая и трамбуя снег гусеницами да колесами в цепях. Марлен и сам носился, следя за тем, чтобы зенитно-ракетный дивизион занял свое место скрытно и по всем правилам.

Позиция была выбрана неплохая – неширокая, но длинная поляна тянулась в южном направлении, расширяясь клином. Похоже, что здесь когда-то выгорел лес.

Свои места заняли ЗСУ² и батарея «С-15».

Ракет хватало: весь январь готовили боеприпас, начинали его хитрой электроникой и бесхитростной взрывчаткой, и копили, копили...

Набегавшись, Исаев отдышался – и поразился тишине зимнего леса. Ветер легонько шуршал хвоей, заглушая моторы, крутившиеся на холостых оборотах, а голосов и вовсе слышно не было – все при деле.

– Летят!

– Ага! – ухмыльнулся Марлен. – Пожаловали, гости дорогие!

Ему не терпелось залезть в душный кунг и самому все проверить, повернуть, но он сдержался – капитану Лягину, зенитчику, надо осваиваться, опыт наживать.

Теорию и матчасть Лягин освоил, теперь дело за практикой. В принципе, капитану повезло даже – раньше на станциях наведения ракет стояли здешние осциллографы, как на «радиоуправляемые самолеты» РУС-2, и показывали «пилу». Надо было углядеть за теми импульсами пеленг и дальность и умудриться как-то опознать тот же «юнкерс» или «Мессер».

² Зенитная самоходная установка.

А теперь все как полагается – индикаторы кругового обзора.

Укрывшись за сосенками, Исаев прислушался. Еле различимый гул донесся с южного направления. Еще немножко, еще чуть-чуть...

Вот они! «Тетушки Ю» летели тройкой, причем два самолета тащили за собой по большому планеру «Гота».

«Юнкерсы-52» создавали впечатление устарелости – этот коробчатый фюзеляж из гофрированного дюралю... Третий мотор, ни к селу ни к городу присобаченный посередине...

Впрочем, и на трех двигателях «Тетушка Ю» не могла выжимать даже трехсот километров в час. Небесный тихоход.

Поглядим теперь, с какой скоростью вы вниз посыплетесь!

Ох, что сейчас в кабинах управления творится...

«С-15» на стреле дрогнула и плавно задралась вверх.

Марлен поспешно зажал уши, и тут же загрохотало, зашипело – разметая снег пушистым огненным хвостом, ракета сорвалась и взвилась вверх.

Что-то ракетчики все-таки намудрили – «С-15» не подорвалась на подлете, а врезалась в «Юнкерс», и лишь потом сработала БЧ, разнося самолет, четвертую «Тетушку Ю».

Планер, летевший сзади «на поводу», клюнул носом – и тут же заработала ЗСУ. Короткая очередь трассирующих снарядиков переломила правое крыло и одну из хвостовых балок – планер резко накренился и рухнул в лес, ломая деревья.

Тут сразу две самоходки ударили по второму планеру, раскраивая его вдоль и поперек – обломки и тела посыпались на ельник.

Еще одна ракета взмыла в небо, теперь уже срабатывая штатно, – боеголовка рванула, выбрасывая пучок поражающих элементов. Вся «морда» транспортника вместе с мотором превратилась в грудку мелко нашинкованных обломков. По короткой дуге «Юнкерс» сверзился с высоты.

Третий самолет сбили зенитчики соседнего дивизиона.

С грохотом распахнулись двери кунга, и оттуда выглянул встрепанный Лягин.

– Три – ноль в нашу пользу! – заорал он.

* * *

Ближе к вечеру счет вырос до 27:0, а потом ракетчики сделали перерыв, уступая место штурмовикам и истребителям 6-й воздушной.

«Ил-2» и «ЛаГГ-3» стайками и звеньями набрасывались на «Ю-52». Дымные шнуры трассеров прошивали воздух, а их перечеркивали белесые шлейфы «Катранов» – каждая вторая ракета попадала в цель. Хотя некоторые пилоты умудрялись «поразить мишень», выбивая шесть из шести. Или восемь из восьми, если речь о «горбачих».

Несерьезные с виду ракетки несли приличные фугасные заряды – полкило адской смеси из гексогена, тротила и алюминиевой пудры. На всякий случай у «Катрана» имелся радиовзрыватель – если летчик промахивался, то подрывал ракету хотя бы вблизи вражеского самолета. Марлену показалось, что однажды он такой фокус заметил – скользнувшая ракета разорвалась ниже «Юнкерса», но этого хватило, чтобы оторвать самолету крыло.

Все произошло очень быстро, но глаз вроде как ухватил мгновение.

– «Мессеры» с юга!

Надо полагать, кто-то из немецких пилотов успел-таки передать своим, что «воздушный мост» разваливается, и ретивое командование, не дожидаясь грозных окриков из Берлина, послало «худых» разобратся на месте.

Марлен понесся большими скачками к кунгу, взлетел на верхнюю ступеньку и просунулся в дверь.

– Срочно вызывай «больших»! Пусть займется «Мессерами»! «Юнкерсами» займемся мы!

– Есть, товарищ младший лейтенант!

«Большие» послушались и отлетели к югу, принялись сживать со свету «Мессершмитты». Ракеты для этого подходили вполне – клубы огня и дыма то и дело вспухали в небе, а потом доносились резкие удары взрывов.

– Цель с севера! – гаркнул Лягин. – Идет на нас!

– Все по местам! – скомандовал Исаев, мельком ловя горделивый взгляд отца. – Готовность!

– Готовность к бою одним каналом!

– Захват цели!

– Есть захват!

– Миха, что это прется?

– Большое что-то...

– Неужто «Кондор»?

– Похоже!

– Сбить бы...

– Да куда он от нас денется...

– Готов к стрельбе!

– Пуск!

С «улицы» донеслось громовое шипение «С-15». Пуская дрожь по тонким стенкам кунга, ракета унеслась в небо, навстречу здоровенному четырехмоторному самолету.

Да, это был «Фокке-Вульф-200 «Кондор», красавец-лайнер. Если навстречу ракете летел именно личный самолет Гитлера, то и пилотировал его сам Баур, возивший фюрера.

По крайней мере, реакция у летчика была отменной – заметив что-то непонятное, брызжащее огнем, он стал отворачивать, задирая крыло, и ушел бы, но «С-15», по сравнению с пулей-дурой, отличалась умом и сообразительностью – ракета тоже подвернула и разорвалась под брюхом «Кондора», вынося тому всю нижнюю гондолу.

«Фокке-Вульф» не выдержал такого обращения – его повело, скручивая, и оторвало хвостовую часть. Бесхвостый «Кондор» нелепо и смешно шлепнулся на южном конце поляны, скашивая крыльями молодые елочки и замирая. Отлетался.

* * *

Пока не село солнце, Марлен приказал убираться с «засвеченной» поляны. Часа не прошло, а кунги, СНР³ и прочее хозяйство уже катило дальше на север, к запасной позиции.

Это была старая, проверенная тактика маневренных групп из двух-трех ракетных дивизионов, отработанная во время войны во Вьетнаме. Старая тактика из будущего...

Исаев только головой покачал.

К северу, за лесом расстился целый луг, хоть в футбол играй. Правда, тут и с шайбой не порезвишься – снег по колено.

Кунги распахали под деревья вдоль опушки, а ракетную батарею и вовсе опустили в неглубокий овражек – белые «С-15» на крашенных известкой пусковых установках совершенно сливались с тенями низин.

Радиоуловители самолетов, как в этом времени называли радары, установили на самом видном месте, но с чисто индейским коварством. Рассказывают, что однажды смелый апач схо-

³ Станция наведения ракет.

дил в разведку, вычисляя, сколько «длинных ножей»⁴ схоронилось в форте. Индеец небрежно завернулся в одеяло, понатыкал в него колючек – и замер среди высоченных кактусов. Он не прятался, стоял у самой дороги, но ни один американский кавалерист, проезжая мимо, не видел его!

Вот так же и с локатором. Здоровенная антенна, составленная из длинных горизонтальных и коротких вертикальных планок, терялась на фоне редкой рощи деревьев, их черных изогнутых ветвей, будто зачеркивавших ломаными кривыми четкие перекрестья радара.

Натоптав под елками на опушке площадку, чтобы не вязнуть в снегу, Марлен поплотнее запахнул тулуп – солнце село, и «Генерал Мороз» сразу оживился, за щеки стал щипать.

– Бедненькие немцы! – насмешливо сказал подошедший Краюхин. – Им так и не досталось наше зимнее обмундирование! Мерзнут сейчас в своих шинельках, сопливые сосульки под носом обламывают...

– Так им и надо, – пробурчал Лягин, вытаскивая пачку папирос. Глянул на Марлена: можно? Исаев кивнул.

Чиркнула спичка, капитан с удовольствием втянул в себя дым.

Приблизился Илья Марленович и тоже достал – нет, не папиросы, сигареты «Мальборо». Исаев-старший относился к куреву спокойно, без жадности заядлого «чекуртаба», просто подерживал компанию, да и то не всегда.

– Лендлизовские? – поинтересовался Иван Жирный, тощий узкоплечий зенитчик.

– Ага, – согласился Марленович и глазом не моргнув. – Угощайся.

Жирный прикурил от папиросы Лягина, затянулся.

– Ничего так, – снисходительно оценил он, – сладенькие. Но слабоват табачок.

Исаев-старший рассмеялся.

– Как думаешь, Марлен Ильич, – заговорил Лягин, – ночью они будут летать?

– Должны, – кивнул Марлен. – В окружении целый корпус, а засветло много груза не перебросишь. Тем более потери такие. Не думаю, что немцы сейчас здорово обеспокоились, но если и завтра «Юнкерсы» не долетят до окруженцев... А так и будет! – Помолчав, Исаев снял варежку и пальцами обхватил подмерзший нос. Сказал чуть гнусаво: – Знаете, у меня такое ощущение, что уже завтра нужно ждать гостей.

– Танки?

– Нет у них танков. Да и не пробиться им, наши на Ловати закрепились как надо. Бомбовозов надо ждать, да с прикрытием.

– Значит, будет жарко...

– Вот что... Надо бы нам по лесу пошарить западнее, площадки подыскать. Боюсь, что немецкие пилоты попытаются просто обойти наш участок стороной. Как мыслишь?

Лягин задумчиво поскреб подбородок.

– Западнее, говоришь... К западу 6-я воздушная. Им там, я слышал, еще два истребительных полка перебросили – на время операции. Если немцы туда сунутся – огребут.

– Ну, тогда восточней.

– Пожалуй. А то стоим кучно, чуть ли не перекликаемся. Прямо с утра пошлю моих сибиряков, пускай разведают те места.

– Мало нас... – вздохнул Краюхин.

– По-моему, вы кое о чем подзабыли, товарищи, – спокойно проговорил Марленович. – Немцы окружены, и там, чуть дальше к северу, наши стоят. И зенитки у них есть, так что мы не одни.

– Толку с тех зениток... – проворчал Лягин.

⁴ Так индейцы называли американских кавалеристов – за их сабли.

– А это от командира зависит. Иные, пока не пнешь, служить по-хорошему не будут. Не догадаются просто головы задрать, чтоб немецкие самолеты увидеть.

– Эт-точно...

– Цель с юга! – донеслось от станции наведения ракет.

– По местам! Готовность!

– Готовы к бою одним каналом!

– Захват цели!

– Есть захват!

Марлен задержался, слабо улыбаясь. Повернул голову к Мишке – тот тоже остался на месте, когда все кинулись к кунгам.

– А ведь у нас получилось, Миха!

– Ага! – расплылся в улыбке Краюхин.

* * *

После пяти «Юнкерсов», сбитых вечером, случилось затишье – часа три в небе было пусто. Истребители летать не могли – темно было, а транспортники выжидали будто.

По всей видимости, в немецких штабах решили, что резко возросшие потери самолетов вызваны возросшей активностью советских зенитчиков, и сделали паузу. Надежда, видать, была у фрицев, что в ночную пору зенитки палить не будут. Правда, существовали такие штуки, как прожектора...

В общем, в десять часов вечера показалась одиночная цель с юго-запада. Лягин уже до того наострился, что с ходу определил в ней «Тетушку Ю».

Разомлев в теплом кунге, Марлен живо оделся, нахлобучил ушанку, обул теплые бурки и выскочил «на улицу».

«На улице» было темно. Полный мрак окутывал лес, а в ясном небе холодно и льдисто мерцали звезды.

– Знаешь, что такое «шепот звезд»? – спросили из тьмы голосом Краюхина. – Это якуты-охотники так говорят. Когда на градуснике за минус пятьдесят, пар от дыхания замерзает и маленькими такими льдиночками шуршит по одежде...

– Прямо поэты. По-моему, сегодня звезды точно шепчут!

– Да уж... Будто и не одевался! Пробирает... Вон он!

– Ты его видишь?

– «Юнкерс» пару звезд заслонил!

– Уши!

Пуск ракеты свел на нет светомаскировку – оранжевая вспышка вырвала из черноты ночи чуть ли не всю поляну, протянула шатучие тени по снегу. Ракета с ревом метнулась в небо и расцвела огненным цветком, на мгновение подсвечивая немецкий самолет, словно зависший в воздухе.

В следующую секунду «Юнкерс» отозвался вторым взрывом – лопнули бензобаки. В облаке огня самолет рухнул в лес – пламя высветило четкие контуры елей.

– Готов!

Глава 6. Маневренная группа

За ночь еще восемнадцать самолетов отправились следом за первым, и лишь к трем часам немцы дали отдохнуть ракетчикам.

Марлену удалось поспать часа четыре, а на рассвете он сам себе скомандовал «подъем».

Сумеречная синева лишь подчеркивала, какая холодина стояла, а небо, еще недавно ясное, помалу затягивалось тучами. Серая хмарь придавала лесу угрюмости.

Солнце за ельником поднималось красное, как яблоко, румяное, но тепла от него шло мало, свет один. А когда солнечная алость помалу перешла в ярую желтизну, заплывшую облачностью, из леса пожаловали разведчики во главе с Цирендаши Доржиевым.

Разведка волокла брезент с грузом – ящики какие-то, коробки...

– Там самолет немецкий валяется, – доложил Цирендаши, – не сгорел, развалился только, а в нем продукты. Ну не бросать же!

– Недурно вы отоварились! – ухмыльнулся Исаев, поднимая коробку бельгийского шоколада. – А вон и колбаса, и печенье... Сгущенка датская. Коньячок! «Мартель», однако. Видать, офицерам подарочки везли. Будем считать, что доставили по адресу!

Поискав глазами свободный «Студебеккер», Марлен подозвал шофера и указал Доржиеву на кабину:

– Проведешь к самолету и загрузитесь по-быстрому. А мы восточней расположимся.

– Ладно, по следам найдем!

Вкусно и питательно позавтракав, ракетчики собрали все свое хозяйство и двинулись к востоку, растягивая батареи и дивизионы цепочкой, словно перегораживая путь немецким самолетам.

Не облетишь!

– Аркаша! Свяжись с летунами, пусть бдят. Скорей всего, пожалуют бомберы.

– Понял!

К Марлену подошел отец, и оба Исаевых поглядели, как редкие голубые просветы заволакиваются тучами.

– Думаешь, полетят? – спросил старший.

– А куда им деваться? Приказ Гитлера! А мы им весь кайф обломали – почти сутки ни одного самолета! Окруженцы голодные сидят, а патроны кончаются...

Марленович ухмыльнулся.

– Товарищ младший лейтенант, разрешите обратиться!

– Слушаю, товарищ старший сержант.

– Ха-ха-ха! Нет, здорово! И я очень рад, что так все получилось. Меня, правда, до сих пор потом шибает, как только вспомню, где я – и когда, но ничего, привыкну.

– Не привыкнешь, батя. Вот если портал вдруг закроется наглухо или его бомбой разнесет... Нет, тогда тоже привычки не будет. Смиришься просто.

Исаев-старший наметил улыбку.

– Ну, не так все плохо. Знаешь, я раньше думал, как же мне повезло, что родился в СССР. Нет, речь не о гордости за сверхдержаву, все куда проще, даже примитивней. Я просто помнил вкус настоящего мороженого за тринадцать копеек, сделанного из молока, сливок, масла и сахара. Понимаешь? Безо всех этих стабилизаторов, ароматизаторов и прочих «ешек». И газводу помню. Обычная газировка с фруктовым сиропом, ничего лишнего, никакой химии! И мне было тебя жалко, угощавшегося каким-то странным мармеладом, больше всего похожим на пластмассу...

– Да уж... Здесь-то и пластмасс пока что нету почти, а до будущих суррогатов не докатились. Знаешь, какой тут ГОСТ на колбасу «Докторскую»? Не помню точно соотношение,

но что-то вроде – тридцать процентов свинины, семьдесят процентов говядины, плюс специи. Сплошное мясо! Так что поем еще натурального, не волнуйся.

– Да я не волнуюсь, – вздохнул отец. – Если честно, меня назад совершенно не тянет. Маму бы твою еще сюда перетащить, совсем хорошо было бы!

– Да я и сам такой! – рассмеялся Марлен. – Я, когда в будущем побывал... в командировку, так сказать, съездил, спешил обратно попасть. И не потому только, что время шло, а наши гибли. Я хотел сюда! Здесь все как-то... по-настоящему, что ли. Жестко, бедно, но все равно хорошо!

– Я как-то приметил одну девушку... – протянул Марленович. – Все вокруг тебя крутилась.

Ильич заулыбался.

– Если я надумаю жениться, то на Наташе.

– Ого! А как же твой обет безбрачия?

– Да какой там обет... Все будущие вытребеньки, вроде феминизма, сексизма или «чайлд-фри», сейчас даже в Штатах не котируются, а в Союзе – тем более... Ладно, батя, поехали, нам уже машут!

* * *

Новую позицию оборудовали километрах в пяти восточнее, на большой луговине, где-нибудь утыканной одинокими деревьями. Кунги укрыли масксетями, а ПУ⁵ расположили в зыбкой тени леса – на подлете с юга не различишь, пока не окажешься над самым лугом.

Состыковали кабельные разъемы, завели дизель-генератор. Сделали горизонтирование, ориентирование, выставили углы заряжания, провели автономный контроль и «чек-ап» функционирования СУС – системы управления стартом. У новичков-зенитчиков получалось все лучше и лучше, навык появлялся, рефлекс вырабатывался.

Подошел Лягин. Капитан относился к младшему лейтенанту Исаеву, как к командиру в звании не ниже полковника.

– Третья в боевом положении. Пусковая заряжена. Борт состыкован.

– Принято, – кивнул Марлен. – Проверь, как там на четвертой.

– Есть!

Гусеничные ЗСУ с 37-мм зенитными автоматами Марлен укрыл до поры до времени. «Зэсэушек» в этот рейд он взял побольше. С его группой осталось пять машин. У соседей было всего три, зато одна из ЗСУ была вооружена счетверенной установкой 45-мм орудий. Как выдаст очередь, так на земле гряда дымящегося дюрала. А ты не летай, тебя сюда никто не звал!

– Марлен Ильич, – обратился к Исаеву Лягин, – а давайте выдвинем к югу пару ЗСУ? Пусть они первыми открывают огонь!

– И вызывают огонь на себя? – прищурился Марлен.

– Да, – твердо сказал капитан. – Зато фрицы будут перед нами, как пирожки на подносе, как мишени в тире!

Исаев подумал и крикнул, подзывая взводного:

– Гусев!

Комвзвода в шлеме приблизился, переходя на бег.

Марлен сжато изложил суть предложения Лягина. Гусев задумался – и просветлел.

– Можно попробовать, товарищ Исаев! Вы не думайте, нас разбомбить нелегко, мы юркие!

– Ладно, юркий, – вздохнул Марлен, – выдвигайся.

⁵ Пусковая установка.

– Есть выдвигаться!

Вскоре две ЗСУ, объезжая луговину по кругу, скрылись в лесу. Южнее открытых мест не наблюдалось, но попадалось редколесье в болотистых местах. Там ЗСУ и засядут.

Вот так, в тревожном ожидании, тянулось время. Тянулось до самого полудня, когда стал задувать ветер, нагоняя холоду и распахивая тучи, словно ленивых коров на небесном пастбище.

– Боевая тревога!

– С юга идет группа целей. Дальность двадцать четыре!

Марлен похолодел. Началось! Ему не надо было далеко ходить, чтобы услышать доклады локаторщиков: шла девятка бомбардировщиков, судя по всему – «лаптежников», «Ю-87». Их сопровождали «Мессершмитты», числом двенадцать.

– Готовность!

– Первая в боевом положении! Вторая и третья – в боевом положении! Четвертая...

– Принято! Даю подготовку.

Из кабины слышны переговоры:

– Азимут сто тридцать, дальность двенадцать.

– Перейти на АС! ⁶

– Есть АС!

– Расчеты в укрытие!

Отдав последнюю команду, Исаев бросился к радистам.

– Вызывай Гусева!

– Гусев на связи, товарищ младший лейтенант!

– Гусев, прием! Как слышишь?

– Слышу хорошо. И вижу!

– Тогда – огонь!

– Есть!

Немецкие самолеты показались над лесом. До них было еще далеко. Они виднелись как игрушечные. Вот один из них задымил и отвалил в сторону – ЗСУ поработали. «Лаптежники» тут же закружились, затеяв обычную «карусель» над засадой. «Мессеры» вились чуть выше, приглядывая за подопечными.

– Второй взвод в укрытии! Третий взвод...

– Принято!

– Групповую цель уничтожить! Четырьмя, очередью, темп шесть! Первая пуск!

– Есть первая пуск!

Ракета, безмолвно лежавшая на пусковой, вдруг ожила, с ревом и воем выпустила оранжевый хвост выхлопа, сорвалась, полетела...

И еще одна, и еще...

– Есть захват!

– Есть наведение!

Марлен пригнул голову в ушанке и каске – комья земли и камешки, вырванные струей ПРД⁷, забарабанили по спине.

Было видно, как эти самые ПРД были сброшены по очереди. Четыре красноватые точки ракет уходили все дальше, все выше.

– Есть команда «КЗ»!

Сработал радиовзрыватель, и яркая вспышка взрыва подсветила тучи снизу.

– Первая, есть подрыв! Цель уничтожена!

⁶ Автоматическое сопровождение.

⁷ Пороховой ракетный двигатель.

– Вторая, есть подрыв!

– Третья, четвертая, есть подрывы! Цели уничтожены! Расход четыре!

Небо над лесом вдалеке охватило пламя и облака дыма, бурого в отсветах зари.

– К пусковым!

ТЗМ⁸ из «Студебеккера» уже подъезжала к пусковым установкам.

– Заряжай!

Первый взвод бегом зарядил ракету, Марлен состыковал ее борт с пусковой.

– Первая готова!

– Принято. Всем оставаться на местах!

Тут к западу от позиций полыхнуло, и из-за леса вынырнула ракета. Сбросив ступень, она набрала скорость и понеслась прямо в гущу немецких самолетов, разрывая круг «карусели».

Подрыв был удачен – вместе с «Юнкерсом» вниз полетел и «Мессершмитт», одной БЧ хватило на обоих. А тут и ЗСУ добавили – были видны промельки трассеров.

– Есть! Готов!

Один из «лаптежников» распустил чадный дымный шлейф, потянул над лесом, сбрасывая бомбы в замерзшее болото, дабы облегчиться, но это не помогло – задев крыльями верхушки деревьев, ломая их, стряхивая снег и распадаясь сам, «Юнкерс» врезался в мерзлую землю. С прибытием!

– Первая, пуск!

– Есть первая пуск!

Только что установленная ракета взлетела, швыряясь комьями земли и липким снегом.

– Есть захват! Есть наведение! Есть подрыв! Цель поражена!

И тут всю «малину» испортили «ЛаГГи», налетевшие с запада. Их было много, эскадрильи две как минимум, и пилоты с ходу взялись за «худых» с «лаптежниками».

Парочка оставшихся бомбовозов поспешила удрать, а вот «мессеры» не могли этого сделать – русские надели плотно. Правда, первым был сбит как раз «ЛаГГ-3», но следом и «Ме-109» отправился. Объятый пламенем, он эффектно несясь по-над самой землей – снег курился под ним, – пока левое крыло не срубило одиноко стоявшее дерево. Истребитель закрутило, завертело.

Кувыркаясь, «худой» загорелся и сам собой «разобрался» на части.

– Цель с юга!

Сначала Марлен удивился очевидной глупости – из-за леса, обходя «собачью свалку» истребителей, показался одиночный «Ю-52», тащивший на буксире планер. Немцы что, под шумок решили подсобить своим?

Однако вскоре Исаев понял: это по их души.

ЗСУ первым делом набросились на «Тетушку Ю», а планер, отцепив буксир, заскользил на посадку, подныривая под трассеры.

Серая «Гота» села на снег, разбрасывая сугробы, и ее борт тут же покинули немецкие десантники в белых масках. Зачастили очереди из «Шмайссер» и «MG-34».

– Доржиев! Отрезай их от леса!

– Есть!

ЗСУ, выехавшая из-за деревьев, наклонила спарку и открыла беглый огонь. Лишь один из снарядов угодил в цель, разбрызгивая тевтонскую кровь, а десантники залегли, постреливая из укрытий – из-за кочек, пней, высываясь из промоин и ям.

Скомандовав «Отбой-поход!», Марлен сорвал со спины «ППШ». Стреляя на бегу, он добрался до купы деревьев, где засел его отец, и крикнул подползавшему Лягину:

– Команду слышал? Уводи всех!

⁸ Транспортно-заряжающая машина.

– А...

– Живо!

– Есть!

Переглянувшись с Ильей Марленовичем, Исаев буркнул:

– Прикроем...

* * *

Доржиев расставил своих стрелков вдоль всей опушки и в хороших местах – между двух деревьев в обхват или под защитой нескольких спиленных стволов. Не дзоты, конечно, но хоть что-то.

Работали из пулеметов ДШК и опытных автоматов «ППС-42».

Немцы постреливали и копошились, выдвигаясь на фланги. Больше всего копошившихся наблюдалось справа, где стояла пусковая установка с «С-15». Сама ПУ, как выяснилось, сильно пострадала от осколков, а вот ракета была цела. Можно было бы загрузить ракету обратно на ТМЗ, но Марлен не спешил с этим.

– Лягин! Готовь ракету!

– К пуску? – удивился капитан.

– К команде «КЗ»!

Капитан посмотрел на Исаева с недоумением, а потом до него стало доходить.

– А-а... Сделаем!

Марлен выпустил очередь влево, старательно избегая вести огонь на правом фланге – пусть фрицы отползают туда. Весьма вероятно, что немцы не зря высадили десант. Не для того лишь, чтобы русским насолить, а чтобы разобраться с тем «чудо-оружием», которое «унтер-менши» применили против «истинных арийцев».

Мобильная группа поспешно отходила, делалось все тише. Доржиев стал снимать стрелков, а Марлен ждал и дождался.

Гитлеровцы и в самом деле не стали преследовать ракетчиков – они сползались к ракете и живо обсуждали увиденное. Двое или трое даже попытались приподнять носовую часть «С-15».

Скрываясь за деревом, Исаев махнул Лягину, едва заметному среди густого подлеска. Капитан кивнул, и через секунду ракета взорвалась прямо на пусковой, уничтожая половину десантников. Пороховой ракетный двигатель не рванул вместе с БЧ – отброшенный в сторону, он сработал и прыгал по заснеженному лугу, кувыркаясь и извергая пламя.

– Уходим!

* * *

Еще трое суток мобильная группа дежурила на подступах к Демянскому котлу, отстреливая самолеты люфтваффе. Немцы пытались по-всякому проникнуть к окруженцам – и с востока залетали, и с запада, и на предельной высоте. И отовсюду их сбивали.

Меньше чем за неделю фрицы потеряли более четырехсот пятидесяти транспортников, и половину этих потерь обеспечили ракеты «С-15».

Разломав, так сказать, «воздушный мост», Красная Армия лишила 2-й корпус, попавший в окружение, самой возможности сопротивляться. В ответ на удары советской артиллерии немцам нечем было ответить – голодные и замерзшие, фрицы экономили патроны, мины и снаряды.

За несколько дней до марта в бой за Демянск были брошены четыре взвода танков «КВ-1СМ» со 107-мм орудиями, а сверху немецкие части бомбили «Пе-8», оснащенные

новыми радиоприцелами. До корректируемых авиабомб было еще далековато, но хоть прицеливание выходило точней.

И в начале марта потянулись на восток тысячные толпы пленных.

Демянский выступ занимался не просто так – отсюда немцы намеревались нанести удар по Москве. Но не сложилось.

А изрядно похудевшие и заросшие ракетчики вернулись в столицу СССР с победой.

Глава 7. «Полярное сияние»

Фотографии бесконечных колонн пленных немцев, бредущих под конвоем, облетели все газеты мира – той его части, что занимала антигитлеровские позиции. Разумеется, «Фёлькишер беобахтер» помалкивала, отделившись невразумительным: «На Восточном фронте без перемен». Фюрер бился в истерике.

Это был настоящий праздник – Красная Армия впервые не только окружила немецкие войска, но и разгромила их.

И это при том, что Сталин сдерживал порывы горячих голов в РККА, готовых перейти в контрнаступление по всему фронту. «Ви готовы, – сказал вождь, – а страна не готова. Советский Союз сосредотачивается».

Впрочем, и немцы тоже не были готовы. Теперь, после того как 16-я армия вермахта потеряла 2-й корпус, единственной боеспособной единицей ГА «Север» оставалась армия 18-я. Под командованием генерал-полковника Линдемана, 18-я армия удерживала позиции вокруг Ленинграда, стремясь не допустить советские войска в Прибалтику, для чего крепила глубоко эшелонированную оборону из трех-четырех полос.

В Кремле пока не задумывались об освобождении так называемой Балтии от немецко-фашистских захватчиков, но остро стоял вопрос о снятии блокады Ленинграда.

Части 18-й армии почти вплотную подошли к городу Ленина – линия фронта пролегла всего в четырех километрах от Кировского завода. Немцы вышли к Финскому заливу, отрезав от основных сил советские войска на Ораниенбаумском плацдарме, а главное, пробившись к Ладожскому озеру, закрепившись на так называемом «синявинско-шлиссельбургском выступе», перерезав железную дорогу, идущую через станцию Мга.

Финны тоже подсутились, оккупировав Карельский перешеек, выйдя к Онежскому озеру и реке Свирь, блокировав все маршруты для поставки грузов в Ленинград, включая Беломорканал.

16-я армия была зажата и связана между Северо-Западным и Калининским фронтами, и лишь одна 18-я блокировала город на Неве, не считая холуев из Финляндии. А войско Линдемана – это сплошь пехота, ни одного танка...

И начали в Ставке Верховного Главнокомандования думать, как разгромить войско басурманское, и авиацию пользуя, и танки, и флот Балтийский. И придумали...

* * *

...Начало апреля обещало ледоход, таянье снегов и грязь непролазную – на севере. А на юге вовсю шло цветение.

Вице-адмирал Октябрьский, командующий Черноморским флотом, развил бурную деятельность (с ним еще в ноябре провели весьма жесткую разъяснительную работу) – боевые корабли и ВВС флота не только поддержали наступление 51-й Отдельной и 44-й армий на Крымском фронте, но и перебросили части Приморской армии обратно к Одессе, занятой войском «кондуктора» Антонеску, высадив десант морской пехоты, поддержанный орудиями главного калибра и авиацией.

Немцы, чьи силы были скованы на передовой, ничем не могли помочь румынам, бившим рекорды по бегу на длинные дистанции.

Поэтому и усилить группу армий «Север» за счет пяти дивизий 11-й армии Манштейна у них уже не получалось. В той реальности, которая была известна Исаеву со товарищи, комфлота Октябрьский и командармы удрали из Севастополя 1 июля, бросив его защитников. Это

здорово помогло Манштейну, почему и стала возможной переброска дивизий под Ленинград – на лето немцы запланировали операцию «Нордлихт», чтобы силами трех корпусов прорвать советскую линию обороны и выйти к южным окраинам города. После этого два армейских корпуса должны были повернуть на северо-восток, с ходу форсировав Неву, соединиться с финнами и перерезать «Дорогу жизни».

Так было, так задумывалось, а теперь колесо истории чутко вильнуло в сторону...

Спешно выпрямлялась линия фронта на Донбассе и под Харьковом, военные строили блиндажи, доты и дзоты, рыли окопы, вытягивая три-четыре, а то и шесть, и даже девять рубежей обороны, – враг не должен был пройти. Посторонним к Волге проход воспрещен.

С обеих сторон фронта копились силы и ресурсы, шли бои местного значения. Фрицы с нетерпением ждали теплого мая, когда слякоть подсохнет и русские направления станут похожи на дороги.

Все было шатко и неустойчиво, две силищи, орда и рать, готовились сойтись в решающих сражениях.

12 апреля Сталин пригласил к себе Марлена Исаева и Владимира Тимофеева. Черный бронированный «Паккард» доставил обоих в Кремль.

Лейтенант Исаев с улыбкой посматривал на отца Вики, которому вернули звание старшины, заслуженное им на неведомой здесь афганской войне. Владимир Антонович и сам с интересом разглядывал знаки различия старшины – «пилу» на петлицах, то есть четыре треугольника в рядок.

– Ничего, – подмигнул он Марлену, – добьемся мы чинов и званий!

– А вам оно надо?

– А принцип?

– Ну, разве что...

Коридор с красной ковровой дорожкой привел их к кабинету Сталина. В приемной «гостей из будущего» встретил Поскребышев и проводил в комнату охраны. И вот отворилась заветная дверь.

Иосиф Виссарионович был один. Он стоял у окна, выходившего на Арсенал, держал в одной руке подстаканник, а другой помешивал чай в стакане.

– Здравствуйте, товарищ Сталин.

– Здравствуйте, товарищи. Проходите, садитесь. Разговор может быть долгим, поэтому вот чай и... все остальное. Угощайтесь.

Марлен был не голоден, но чаю выпил с удовольствием. Нормальный грузинский чай, душистый и крепкий, а не те опилки, что будут предлагаться в сельпо и гастрономах лет тридцать спустя. Хотя... может, и не будут? Не запустят, не загустят чайные плантации, не додумаются стричь чайные кусты комбайнами, словно зеленые насаждения в парке...

– Мы стягиваем войска Волховского фронта, – негромко заговорил Сталин, – делаем это не спеша, по плану. Немцы успели соорудить мощные укрепления... Да ви и так все знаете, товарищи потомки. – Вождь усмехнулся, блеснув желтыми рысьими глазами. – Я помню протокол нашего последнего совещания, товарищ Тимофеев. Что скажете? Сидите, сидите...

Владимир Антонович кивнул.

– Товарищ Исаев передал нам работоспособные приборы, и самолеты-разведчики «Ту-2Р», вылетая по ночам, досконально исследовали немецкие позиции. Мы точно знаем, где у них что расположено, какие стоят орудия, и все такое прочее. Ровно месяц назад прошли удачные испытания УР-1, установки разминирования. Это вытяжная ракета, она же буксирная, которая силой своего реактивного двигателя тянет за собой удлиненный заряд из секций детонирующего кабеля. Он ложится на минное поле и взрывается, из-за чего, в свою очередь, подрываются мины. В итоге остается свободный проход метров шести-десяти шириной, а в длину – на все девяносто.

– Очень хорошо, – покивал Сталин. – Мы сбережем немало жизней саперов.

– Именно! Кроме УР-1 мы будем пускать вперед танки-тральщики. Это обычные «Т-34», только впереди у них приделаны особые катковые тралы. Это что касается разминирования, а на синявинских позициях все сплошь в минах – и противотанковых, и противопехотных. Мы также оборудовали энное количество грузовиков «Студебеккер» для перевозки звеньев понтонно-мостового парка – наплавные мосты не помешают в болотистых местах, что у Синявинских высот. Там проходит всего одна дорога с твердым покрытием – Путиловский тракт, да и та под обстрелом противника. Но это все так, преамбула. Главное – взять эти самые высоты. На Синявинской гряде, а она проходит точно посередине немецкого плацдарма, выделяются две высоты: одна, с отметкой 43,3, находится севернее развалин села Синявино с остатками церкви, а вторая, которая повыше, – южнее культового здания. Немцы обжили обе «горки» и плато между ними, превратив их в крепостной форт. Оттуда на двенадцать-пятнадцать километров простреливается вся местность, вплоть до Ладоги. А вот теперь доложу о своих делах. Нам удалось обновить авиамоторы для «Пе-8», оборудовав их более мощными и надежными турбокомпрессорами, что повысило скорость бомбардировщиков до пятисот двадцати километров в час, а потолок подняло почти до одиннадцати тысяч метров. Гермокабины опять же... Ну и главное. В кратчайшие сроки – я даже не верил, что такое возможно! – мы соорудили-таки планирующую бомбу. То есть она не просто так себе падает, а летит туда, куда нам надо. Ею управляют из кабины бомбовоза по радио. Ну тут – и с радиоуправлением, и с жидкостно-реактивным двигателем – нам здорово помогли спецы Марлена и Сереги... Простите, Исаева и Королева.

Вождь только отмахнулся.

– Значит, мы можем разбомбить немецкий «форт»?

– Разбомбим, товарищ Сталин!

Иосиф Виссарионович удовлетворенно покивал.

– А ви, товарищ Исаев, что скажете?

Марлен приподнялся – и сел обратно, послушный мановению руки вождя.

– Мы больше по электронике, товарищ Сталин. Собрано несколько мощных станций радио-помех, которые будут напрочь забивать связь у немцев. Как бы ни старались их радисты, как ни меняли бы частоты, ничего у них не выйдет. Самое сложное заключалось в том, чтобы сделать аппаратуру достаточно компактной и легкой. В итоге мы разместили станции в кузовах «ГАЗ-ААА» и «студеров»... «Студебеккеров». Первый отдельный радиодивизион спецназначения уже создан, наши гоняют ребят, а те головастые, мигом до всего доходят, так что, думаю, уже на ближайшей неделе можно будет формировать второй радиодивизион. В то же самое время мы под расписку передаем частям 8-й армии новые рации на полупроводниках – мощные и легкие, совсем мало потребляющие электричество. Новые площади на заводе имени Коминтерна уже отстроены, спасибо Виктору Тимофееву, так что радиостанции пошли в серию. А они самые нужные – низовые, для танков и самолетов, для отдельных взводов пехоты. В общем, к бою готовы!

* * *

В тот же день операция под кодовым названием «Полярное сияние» была утверждена. Сталин недолго искал подходящее определение – проявив юмор, он попросту перевел немецкое «нордлихт» на русский.

Переход в наступление ожидался в двадцатых числах апреля. Памятуя, что ледоход в Приладожье начинается в середине месяца, время было выбрано не лучшее – в вешнюю пору те места настолько топки и слякотны, что даже танк может утонуть в грязи. Однако и немцы находились в том же положении. А русские тщательно подготовились к штурму.

Домой Марлен вернулся поздно, хотя в его понятиях комната в коммуналке не являлась домом. Разве что временным пристанищем.

Исаев и прочие «гости из будущего» занимали весь третий этаж в левом крыле одного из зданий ИРЭ. Это был темноватый коридор, по обе стороны которого располагались довольно обширные комнаты с высоченными потолками.

С помощью ширмы Марлен выгородил «спальный отсек» с огромной кроватью. Поставил в углу не менее громадный шкаф, творенье неведомого краснодеревщика. И диван поместился, и стол, и верстак. А полуразрушенную печку Исаев переделал в камин. С этим, правда, помог дед Трофим, осанистый дворник и, как оказалось, весьма приличный печник.

Надо ли говорить, что на новую жилплощадь Марлен въехал не один, а с Наташей. Оформлять отношения Исаев спешил не слишком, но девушка и сама придерживалась похожего мнения, хоть и по иной причине – война же идет, какая уж тут свадьба. Вот победим фашистов, тогда и сыграем...

Марлен полностью поддержал Наташу, а девушка смеялась – ее, дескать, сейчас не прозовешь «невестой без места»! Есть в паспорте отметка о постоянном месте жительства, да не где-нибудь, а в самом центре Москвы, на улице Герцена!

Исаев похмыкал, толкая створку – это так приятно, оказывается, когда ты приходишь, а тебя за порогом встречают. Аккуратно прикрыв дверь за собой, отсекая говор и шум из коридора, Марлен окунулся в привычные запахи тепла и уюта – духами попахивало, прогоревшими дровами, чуть-чуть нафталином, но все забивал непередаваемый аромат свежесваренного борща.

– Привет хозяйшкам! – весело приветствовал хлопотавшую у электроплитки Наташу.

Девушка живо обернулась и, держа в одной руке половник, а в другой – головку чеснока, подставила щеку. Целуй!

Ну потом сразу дошло до губ и прочих частей тела, не слишком прикрытых халатиком.

– Вот уроню ополовник, будешь знать! – пригрозила Наташа, и Марлен отстал. – Садись, сейчас кормить буду.

– И что бы я без тебя делал? – умилился Исаев.

– Что бы я без тебя делала... – вздохнула – девушка и отложила столовый прибор. Мешать будет...

Глава 8. Синявинская операция

Никто не собирался приурочивать дату наступления на день рождения Ленина, просто так сошлось.

22 апреля, в два часа ночи, с аэродромов поднялись самолеты-разведчики «Ту-2Р». Над Синявинскими высотами они сбросили на парашютах несколько радиомаяков и покружились, точно фиксируя, куда те приземлились.

Радиомаяки отцепляли парашюты с помощью пиропатронов на высоте, метрах в пятидесяти от земли, и совершали довольно-таки мягкую посадку на воздушных амортизаторах. Правда, никакой ламповый прибор ее не выдержал бы. Полупроводники – другое дело.

Два маяка перевернулись, один утонул в болоте, но остальные пять четко выдали пеленг. Теперь, ориентируясь по их радиолучам, бомбовозы могли накрывать цели даже ночью. Что они и сделали.

Две девятки четырехмоторных «Пе-8» взлетели ровно в три ноль-ноль и взяли курс на Синявино. Еще на подлете радиопеленгаторы «подсказали» штурманам-бомбардирам, операторам планирующих бомб УБ-500, куда слать «подарки».

– Сброс! Запуск!

Самолет вздрогнул, выпустив «изделие» – обтекаемую авиабомбу с крестообразным крылом в средней части корпуса и коробчатым управляемым оперением на хвосте.

УБ оседала, продолжая полет, и понемногу разгонялась, полого пикируя и уходя вперед. В хвосте планирующей бомбы вспыхнула фара, сразу выделяясь во тьме, и оператор мигом подал команду – «влево».

Приняв приказ по радио, УБ подработала рулем направления. На испытаниях оператор мог корректировать точку падения боеприпаса, с круговым вероятным отклонением в десять-пятнадцать метров.

Сброшенная с высоты семь тысяч метров на расстоянии пяти километров до цели, бомба пролетала это расстояние за полминуты. Ну, может, секунд за сорок. Тут главное – не упустить ее...

Фара померкла, зато разгорелся красный светодымовой трассер. Точно, точно подходит!

...Немецкий часовой прислушался: в вышине гудели моторы. Бомбежка, что ли? Да нет, кажется, мимо пролетают... А после до него донесся нараставший свист. Фриц, вернее, Ганс забеспокоился, заметался, бросился на землю...

Управляемая бомба промелькнула совсем рядом, протыкая прочную бетонную стену, как спица клубок пряжи. Холодный грунт сотрясся, а в следующее мгновение на месте дота разверзлось жерло. С грохотом, озаряя всю высоту ярчайшей вспышкой огня, разлетелись куски бетона. Секунду спустя стала «извергаться» высота напротив.

Лишь одна бомба разорвалась на склоне ниже укреплений, все остальные накрыли свои цели, пробивая и разнося железобетонные конструкции, расшвыривая блиндажи и дзоты.

Гарнизон забегал, подгоняемый лающими командами полуголых офицеров, а неведомая смерть, приносившаяся из мрака, лупила и лупила по позициям, высвечивая метавшихся людей, кувыркавшиеся орудия, тучи дыма и пыли.

Бомбардировка продолжалась пятнадцать минут от силы.

Поскуливая, израненный Ганс отползал по мокрому грязному снегу прочь из пекла. Контуженный и оглохший, Ганс выжил чудом. Очнувшись на восходе солнца, он ничего не услышал – ни криков, ни команд. Солдат потряс головой.

Нет, слух его не подводит – вон какая-то пичуга проснулась. Просто, наверное, некому больше кричать и командовать. Ганс всхлипнул. Зачем, зачем он тут? Захотел участок земли на Украине и русских батраков? А получишь узкую могилку в этой студенной земле...

Сквозь всхлипывания Ганс различил тяжкие уханья на востоке – это рвались снаряды.

* * *

Четыре арtpолка большой мощности, по тридцать шесть гаубиц Б-4 в каждом, обрушили на позиции немцев 203-мм снаряды, лишний раз подтверждая свое прозвище, данное еще в войну с белофиннами, – «карельский скульптор». Боеприпасы Б-4 тогда обращали финские доты в замысловатые «инсталляции» из бетонных глыб и гнутой арматуры.

Пилоты с круживших самолетов-разведчиков корректировали огонь.

Неподалеку от артиллеристов занимали позиции «катюши» с «андрюшами» – пять гвардейских минометных полков. В каждом полку насчитывалось три дивизиона Б-13 или Б-31, а залп только одного такого дивизиона по силе мог сравниться с залпом двенадцати тяжелых гаубичных полков.

С ревушим воем, с воющим ревом уносились на запад размазанные в полете огни и словно поджигали землю на немецких позициях, устраивая самое настоящее пекло, от которого не было спасения.

И лишь затем, после мощнейшей арtpодготовки, показались «Змеи Горынычи», как с легкой руки Исаева стали называть системы разминирования. Пробрасывая удлиненные заряды, они расчищали проходы в минных полях, по которым – на всякий случай – следовали танки-тральщики, а за ними катились «тридцатьчетверки», «КВ» и полугусеничные броневики с пехотой.

Особо топкие места не форсировали, утопая в грязи и воде, а укладывали облегченные понтоны. Наплавные мосты мигом уложили на речке Черной и через Мойку – по ним от Тартолово, Гайтолово и Гонтовой Липки двигались части 8-й армии.

Так и вышли к станции Мга. Этот маленький железнодорожный узел был крайне важен для обеих сторон: именно через него 18-я армия получала боеприпасы и прочее, а для русских Мга представлялась воротами Ленинграда.

Несмотря на сильнейший огонь и ночную бомбардировку, отдельные группы немцев уцелели и даже оказывали сопротивление. Однако и в этом случае пехота воевала с комфортом – вызывала авиацию, и «Ту-2» вываливали бомбы на головы фрицам. Впрочем, если «царица полей» наступала вместе с «КВ», то летунов не беспокоили – огонь 107-мм орудий очень способствовал росту сознательности у «дойче зольдатен, унтер офицерен» – немцы выползали из-под развалин блиндажей и дзотов, хрипло выкрикивая: «Гитлер капут!» Да кто бы сомневался...

В те же дни 2-я ударная армия нанесла удар по Петрозаводску, захваченному финнами и уже переименованному в Яанислинна. Управляемых бомб еще было достаточно, поэтому «Пе-8» начали, нанося точечные удары по военным объектам, а танки, пехота и артиллерия закончили. Развивать наступление не стали, хоть финны из 7-го армейского корпуса весьма резво отступили – операция была чисто локальная, с целью освободить русских пленных, умиравших от голода в одиннадцати финских концлагерях, разбросанных по Петрозаводску.

Авиация лишь отметилась бомбежками на финской оборонительной линии Выборг – Купарсаари – Тайпале, а девятка «Ту-2» ВВС Балтфлота «навестила» Хельсинки.

Тогда же, на линии ВКТ, были опробованы бомбовые кассеты (шариковые бомбочки вызвали ужасающие потери среди финских солдат) и напалмовые бомбы (испытыв действие страшного жара горящего напалма, который не потушишь водой, финны разбегались, лишь завидя самолет).

Оживился и Краснознаменный Балтийский флот. Вышел в море линкор «Марат», избежавший авианалета в сентябре 41-го, вышли тральщики, «расхлебывая» густой минный «суп» в Финском заливе. Приступить к обстрелу Хельсинки с моря корабли не смогли из-за минных

заграждений, а вот ВВС флота повезло больше – самолеты сбросили парочку УБ-500, поразивших финский броненосец «Вяйнямёйнен». Толстостенные бронебойные подвиды УБ были способны пробивать броню в 150 мм и взрываться внутри корабельного корпуса, а у финского корабля броневой пояс был втрое тоньше. В общем, рвануло знатно, и «Вяйнямёйнен» утонул прямо в гавани Турку.

* * *

25 апреля войска Волховского фронта соединились с частями фронта Ленинградского и вышли на линию Дубровка – река Нева – Красный Бор. Блокада Ленинграда была снята.

Вскоре по железной дороге пошли составы с продовольствием, лекарствами и прочими нужными вещами. Отдельным эшелоном прибыли зенитные дивизионы «С-15» под командованием майора Лягина – город на Неве нужно было защитить от фашистских стервятников.

Тогда же на Пулковских высотах установили мощные радиообнаружители. Здоровенные решетчатые «тарелки». Эти РЛС «видели» самолеты противника за триста километров, а зенитчикам Лягина оставалось сбивать их.

Марлен Исаев узнавал обо всем этом в ИРЭ – о личном участии в боях, о «спецкомандировках» за линию фронта можно было забыть. Товарищ Сталин деликатно намекнул «попаданцам», что они способны принести Родине огромную пользу, но лишь в одном случае – если будут живы-здоровы.

Честно говоря, Исаев не слишком расстроился: свою долю подвигов он уже отхватил и на передовую не рвался. Да, были переживания – вот, дескать, они там воюют, а я тут сижу. Однако его «прогрессорская деятельность» в ИРЭ, начинавшаяся с мысли «А вдруг сработает?», давно уже примирила Марлена с реальностью – они на самом деле принесли пользу. И еще принесут – гораздо больше, нежели с винтовкой в окопах сидючи.

Каждая новая ракета, каждый новый «гаджет» спасали сотни и тысячи жизней, приближая момент Победы сразу рывками.

А уж как Наташа рада была решению вождя!

И Лида. И Рита.

Лидка даже детскую «говорилку» переделала, торжественно продекламировав Мишке: «Смирись, смирись, смирись и больше не дерись!»

Потом она, хихикая, поцеловала раздумывавшегося Краюхина-младшего. Пришлось смириться...

Глава 9. «Старый моряк»

Лондон, Даунинг-стрит, 10.

Апрель 1942 года

Уинстон Черчилль подхватил вредную привычку – курить кубинские сигары – еще в молодости, когда работал в Гаване полужурналистом-полушпионом.

Вот и теперь, с удовольствием откушав в Садовой комнате, он отвалился на спинку кресла, причмокивая запашистой «Ла арома де Куба».

Бездумно глядя на лужайку сада за окном, премьер-министр неторопливо размышлял о нескольких вещах попеременно: о войне на континенте, об «особых отношениях» с этими несносными янки, об увядающей империи.

«Джерри»⁹ готовятся к наступлению на Восточном фронте. Гитлер, взбешенный снятием блокады Ленинграда и разгромом под Демянском, торопит вермахт. Это локальные победы русских, и они вовсе не означают перехода Красной Армии в контрнаступление, просто гунны впервые потерпели сокрушительные поражения в большевистской стране, покорить которую они собирались еще осенью прошлого года. Не вышло!

Черчилль смачно затянулся и, держа сигару между двух пальцев, словно в жесте «виктория», медленно выпустил ароматный дым.

Забавно... Все генералы хором убеждали его, что русские не выстоят. А они выстояли. Отступали, да, но с такими боями, что весь цвет вермахта, маршировавшего по Европе, выбило ко всем чертям.

Да и кто не отступал, даже в этом году? Англичане драпали к Нилу, спасаясь от танков Роммеля, американцы откатывались со всех островов Тихого океана – самураи гнали их пинками до самой Австралии.

Черчилль довольно хрюкнул, едва не перекусив сигару.

Разведка доносила, пользуясь источниками в Абвере, что после битвы под Москвой Сталин и Жуков бросят обескровленные войска в наступление, понесут чудовищные потери и тогда уж точно сдадут врагу столицу СССР. А советский вождь не поддастся соблазну, удержал притких маршалов, дал армии передышку, подтянул резервы... Может, эксперты негодные? Хм...

Премьер-министр вернул сигару в рот и чмокнул, покачивая головой в такт своим мыслям. Нет, дело не в экспертах. Ведь до самой зимы их прогнозы сбывались, хоть и не все. Монтгомери мерил русских европейскими мерками, и ничего-то у него не сошлось. Это французы сразу лапки подняли, едва только накатили немецкие танки. Да и чем его британцы лучше? Целые дивизии сбились в Дюнкерке, десятки тысяч грузовиков, целые составы боеприпасов! И что? Дали наши смельчаки бой гуннам? Нет! Все скулили только, поглядывая на запад: «Ой, спасите нас, мы хотим домой!» Да танки Гудериана не передавили храбрых «томми»¹⁰ лишь потому, что сам Гитлер удержал свои войска по странной прихоти.

А может, и не странной вовсе. Возможно, «фюрер немецкой нации» раздумывает над планом «Б» – замириться с Альбионом? Ничего у него не выйдет.

Черчилль поморщился. Как у него самого ничего не получается с заокеанскими ковбоями! Не выстраиваются «особые отношения». Рузвельта, со всем его лоском, джентльменом назвать трудно, это торгаш. И сговориться дряхлеющей империи с молодой и наглой Америкой можно исключительно на условиях Вашингтона. Но тогда уделом гордого британского льва станет коврик в Белом доме. Коврик для послушной шавки.

⁹ Прозвище немцев в Англии и США. Сокращенно от German.

¹⁰ Прозвище, данное британским солдатам.

Хотя этой весной на Даунинг-стрит, 10, испытывали не только унижение, но и злорадство. Штаты, сами себя убедившие в собственной исключительности и недосыгаемости, получили немало увесистых оплеух от немецких подводников. Американцы еще в себя не пришли после погрома в Пёрл-Харборе, а тут уже «бородатые мальчики папы Деница» постарались – отправили на дно полторы сотни штатовских кораблей! Да не просто так топили, а с разбором, выискивая танкеры, волокущие нефть из Венесуэлы. «Наливняков» у Восточного побережья сгорело столько, что Белый дом ввел нормирование на бензин, сахар и кофе! Как в Британской империи...

Черчилль покривился. Империя, империя...

Одно слово осталось, а суть ушла.

Раздраженно стряхнув пепел, премьер-министр втянул дым. Мысли совершили круг и вернулись к великому противостоянию рейха и Советского Союза. Оскалившись на манер бульдога, Черчилль подумал, что, по крайней мере, не надо будет открывать второй фронт. Зачем? Русские и сами справятся, и Англию прикроют.

Потери будут чудовищными с обеих сторон. Что ж, тем выгодней для нашей собственной стороны...

Черчилль нисколько не сомневался в правильности своей политики. Англия прежде всего! Немцы представляли опасность для Острова, русские тоже – и вот они сошлись в чудовищной кровавой каше, истребляя друг друга. А чем слабее окажутся вермахт и РККА, тем лучше для Британии, храни ее Бог!

И здесь задача премьер-министра состояла не в том вовсе, чтобы бороться с одной из враждующих сторон. Надо было помогать и немцам, и русским в их взаимном уничтожении.

Именно для этого Великобритания посылала в СССР караваны судов с устаревшими самолетами и танками – пусть бьют немцев! Именно поэтому в феврале английский флот не стал преследовать немецкую эскадру, вырвавшуюся из блокированного Бреста.

Тяжелые крейсера «Шарнхорст», «Гнейзенау», «Принц Ойген» миновали узкий Па-де-Кале, и ни одна береговая батарея не открыла огонь – пускай корабли Кригсмарине свободно выходят на Балтику или в Арктику. Пусть бьют русских!

Разумеется, на людях Черчилль не позволял себе подобную откровенность. Беседуя с Иваном Майским, советским послом в Англии, премьер высокопарно вещал: «Врага надо обманывать всегда. Можно иногда обмануть и широкую публику – для ее же пользы. Но никогда нельзя обманывать союзника!»

Уинстон Леонард поерзал беспокойно. Что-то растревожило его, какая-то юркая мышь проскочила... Ах да, эти русские... Русские в феврале.

Все газеты «свободного мира» вышли с аршинными заголовками «Русские бьют немцев в Демянском котле!», сопровождая статьи роскошными фото – длинной вереницей пленных эсэсовцев, закутанных невест во что. В одеялах, с женскими платками на головах, с ногами в ящиках, набитых травой, жалкие, скукоженные, потерянные, дрожащие...

Эта газетная шумиха была похлеще истинного разгрома! Недаром Гитлер так бесновался... Но не о том думка проскакивала, не о том...

Как им это удалось, вот в чем вопрос! Чуть ли не весь февраль люфтваффе перебрасывало припасы окруженным частям, воздушный мост работал бесперебойно. Конечно, русские этому противились, сбивали самолеты, но гунны подтягивали все новые и новые транспортники, даже из Италии перебрасывали, из Северной Африки.

И вдруг за какую-то неделю были сбиты четыре сотни самолетов!

Как?! Черчилль побывал в шкуре военного и сносно разбирался в армейском бытии. Вон сколько зенитных орудий стоит вокруг Лондона! И что? Стихали немецкие бомбардировки?

Нет!

Сотни зениток жгли стволы, чтобы сбить хоть один самолет, но если «Юнкерсы» и падали, то лишь «поймав» случайный снаряд.

А что произошло под Ленинградом? Когда адъютант бодро зачитал что-то вроде: «...После мощного артобстрела и ночных бомбардировок немецких позиций...», премьер-министр только головой покачал. Разве русские не бомбили гуннов раньше? Разве не обстреливали из орудий? Бомбили. Обстреливали.

Так почему же раньше у них все кончалось провалом, а тут вдруг, за одну бедственную – для немцев! – ночь, вышло как в сказке?

Размышления прервал визит адъютанта Черчилля, коммодора Томпсона.

– Сэр, – сказал он почтительно, – к вам мистер Мензис.

– Зови, – буркнул премьер-министр.

Генеральный директор МИ-6¹¹ Стюарт Грэхем Мензис имел мягкие манеры, был хорошо сложен и опрятно одет. В его внешности поражала бледность: бледное лицо, словно у жителя подземелья, никогда не видевшего солнца, бледные, будто выцветшие глаза, серебристо-светлые, редкие на макушке волосы.

– Проходите, Стюарт, – ворчливо проговорил Черчилль. – Спросонья вас можно принять за вампира, жаждущего крови.

Мензис тонко улыбнулся, занимая кресло напротив.

– Есть интересные новости, сэр.

– М-м?

– Вас не удивляла та молниеносность, с которой русские разбили немцев под Демянском и Ленинградом?

Премьер-министр выпучил глаза на гендиректора.

– Вы что, Стюарт, мысли мои читаете? Хм... Удивляла. И что?

– Источники в Абвере передали, что русские использовали новое оружие – противосамолетные ракеты и управляемые бомбы.

– Та-ак... Что ж, это многое объясняет. А доказательства?

– Немецкие пилоты из тех, кому посчастливилось вернуться, докладывали о ракетах. Посланные командос почти все погибли, лишь двоим удалось вернуться. Задачу свою, правда, они не выполнили, не доставили целую ракету за линию фронта, но кое-какие детали сообщили – размеры, высоту поражения, наличие неких фургонов с антеннами. Мои ученые пришли к выводу, что русским удалось создать ракету, управляемую по радиолучу и поражающую самолеты на высотах больше двадцати тысяч футов. То же можно сказать и о бомбах – русские сбрасывали их с большой высоты, и те точно накрывали немецкие укрепления. Причем ночью. Следовательно, на русских бомбардировщиках были установлены радиоприцелы.

¹¹ Английская разведка. Она же – Секрет Интеллидженс сервис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.